

Эдуард БАЙКОВ

Всеволод ГЛУХОВЦЕВ

Пурпурный Занавес

Эдуард Байков Всеволод Глуховцев Пурпурный занавес

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815506*

Аннотация

В городе действует неуловимый маньяк – жестокий и непостижимый. На счету у него уже восемь жертв.

Николай Гордеев – 25-летний частный водитель-извозчик, в прошлом десантник, оказывается втянут самым мистическим образом в расследование серийных убийств. В своих снах он видит маньяка, пытается преследовать его, выяснить, где тот скрывается и кто будет его следующей жертвой.

Ему помогают его девушка – врач Марина, её знакомый – знаменитый на всю страну психоаналитик Пинский, а также журналист-инвестигейтор Бородулин.

В одном из своих «астральных» путешествий Гордеев встречается с Учителем, который раскрывает в нем парапсихические способности и показывает тому Рубиновые Врата (Пурпурный Занавес), ведущие в Сердце Астрала. Проникнув туда, человек овладеет Силой, то есть станет подобным богам и сможет сам творить миры.

С помощью Пинского Николай знакомится с группой писателей-фантастов, а затем проникает в подсознание каждого

из них. То, что он там обнаруживает, ошеломляет его. Внутри психики каждого из пятерых литераторов бушуют низменные страсти, пороки, извращения. Любой из них «тянет» на маньяка. Но картина так и не проясняется, а убийства продолжают совершаться с упрямой методичностью. Счет жертв доходит до роковой цифры – 13.

Постепенно герои догадываются, что убийца – сам экстрасенс или, по крайней мере, оккультист.

Далее всё только усложняется. «Частному сыщику» Гордееву придется столкнуться с незримой борьбой оккультных кланов, с тщательно оберегаемыми тайнами, а потом и... с самим собой. Развязка грянет и она неожиданна для самих охотников на зло.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	16
3	27
4	30
5	35
6	47
7	70
8	88
9	102
10	116
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Эдуард Байков, Всеволод Глуховцев Пурпурный занавес

*«Там, где кончаются дороги
И обрываются мосты,
Какие дьяволы и боги
К нам ринутся из темноты?»
Вадим Шефнер*

Часть I «Рубиновые ворота»

*«Человек, который все снова не черпал бы из сна подкрепления для своих ослабевших сил, привел бы свою жизнь к разрушению; точно так же и рассмотрение мира, не оплодотворяемое познанием сокровенного, должно привести к запустению».
Рудольф Штайнер*

1

Балконная дверь, которую он дергал, никак не поддавалась, и Николай стал опасаться, что рвани он еще раз – и вы-

летит к черту треснутое стекло. Он оставил в покое ручку, отступил в комнату и огляделся.

Надо бы поискать что-нибудь этакое. Порыться в кладовке, осмотреть ящики массивного платяного шкафа. Наверняка у дядьки какой-никакой инструмент имелся... или правильное – имеется?

Несколько секунд он поразмышлял над этим грамматическим нюансом: в каком времени описывать имущество покойника? В настоящем или прошедшем?.. Затем мысль ушла, так и не разрешившись. У него проснулся интерес к поискам вообще – покопаться в дядином барахле, авось да найдется что-нибудь занятное.

Поймав себя на этой мысли, Николай усмехнулся – детство еще в заднице играет, пионерская зорька... Он распахнул узкую дверцу кладовки и сразу натолкнулся на искомое. В фанерных ящиках из-под посылок был сложен разный инструмент. Тут же обнаружилось то, что нужно. Стамеска с широким лезвием – вот она, лучше не придумаешь.

Балконная дверь в квартире не открывалась, похоже, черт-те сколько месяцев. Да и зачем, действительно, одинокому больному пенсионеру шастать зимой на балкон? А вот зачем, скажите на милость, лезть туда же молодому человеку, после смерти старика неожиданно ставшему наследником маломальского, но имущества: однокомнатной квартиры на последнем этаже девятиэтажного дома? Деловитость ли собственника, осматривающего свои владения, или пу-

стое любопытство зеленого еще, несмотря на свои двадцать пять, детины?.. А может, просто-напросто во всем виновата весна – отсюда, с высоты она ведь кажется такой пленительной, какою никогда не бывает на земле. Даже сквозь пыльные стекла видна она, если не во всей своей красе и силе, то уж такой, что заставляет во что бы то ни стало отодрать присохшую к косяку дверь – только б взглянуть вдаль, вдохнуть неизъяснимо волнующий воздух апреля!

Осмотрев стамеску и опробовав пальцем острие, Николай удовлетворено кивнул. Годится! Вернулся к балконному входу, взялся за дверную ручку и... И дверь легко подалась. Новый хозяин обомлел – что за шуточки?! Привиделось, что ли?..

Нет, не могло привидеться. Это же было, наяву: он, Николай дергал ручку, стучал по двери – а ей хоть бы хны! И вдруг – чуть тронул, она как от дуновения ветра, раз... Не веря себе, снова закрыл дверь. Постоял, выждал немного на всякий случай. Взялся, потянул на себя – открылась как миленькая. Чертовщина какая-то!

Он усмехнулся и шагнул на балкон.

Весна, весна!.. Вот теперь она предстала перед ним во всю ширь, и можно вдохнуть ее аромат полной грудью. Нельзя сказать, что Николай был каким-то эстетом, не шибко чувствовал и красоту природы, однако на его месте проняло бы и самого толстокожего. Девятиэтажка располагалась не то, чтоб на окраине, но несколько в стороне от городского шу-

ма и пыли: когда-то, лет тридцать с лишком назад, вдоль речной излучины протянули длинную магистраль, Проспект, соединивший южную и северную части города. Вначале проспект этот напоминал деревню в одну улицу – пяти- и девятиэтажки вытянулись ровным строем в единственный ряд вдоль проезжей части. Со временем, конечно, жилой массив раздался в стороны, но ненамного. Мешали естественные преграды: проспект прошел по косогору, к востоку продолжался лесной подъем, а к западу шел такой же лесной спуск к реке. По этому пологому спуску дома сползли метров на четыреста, разом остановившись у кручи. Дядькин дом как раз и высился на этой самой границе, отчего с балкона было видно чуть ли не полмира.

Горизонт почти терялся в нежнейшей сизой дымке, и такая же призрачная еще, даже не зеленая, а только намеком на будущую зелень, дымка покрывала лес по обе стороны реки. Стояли те самые чудные деньки, когда почки на ветвях слегка приоткрылись – так, что если смотреть на одно дерево, то ничего не заметишь, а если взглянуть издали и сверху, охватив взглядом весь этот осиновый, кленовый, тополевый и еще какой там оком – вот тут и почувешь едва уловимый, дразнящий, тревожащий, зовущий куда-то налет весны. А небо над миром! – ясно-голубое, а все-таки что-то от зимних непогод осталось в нем, не все ушло, еще дотаивает, стекая по своду к земле, и оттого горизонт неразборчив в легком тумане...

Да, Николай Гордеев не был художественно одаренной натурой. Вряд ли он проникся всей той красотой, что явилась его взору. Но не ощутить ее, вкупе с лесным свежим ветерком, он, конечно, не мог – потому долго стоял очарованный, глубоко дышал, а после достал сигареты, зажигалку и закурил. Дымил. Смотрел, даже глаза его увлажнились на ветру. Не хотелось уходить отсюда.

Хотя сам балкон... Сначала у Николая возникло благое желание осмотреть тамошнее имущество, но как вышел, да увидел вековую пыль да грязь... только плюнул про себя и решил, что еще найдет время для наведения порядка.

Затянувшись в последний раз, он щелчком отправил окурок в долгий полет и собрался уже было вернуться в комнату, но на мгновение задержался, сам не понимая, почему. Пошарил взглядом по балкону – внимание молодого человека привлек сундук в дальнем углу. Древний на вид, окованный железом, с выгнутой старомодно-солидной крышкой, с висячим замком. Это слегка рассмешило его: если в сундуке хранится что-то ценное, то зачем вытаскивать его на балкон? А если там вздор, на кой ляд запирать крышку на замок?..

Николай присел на корточки перед старинным дивом, потрогал внушительный замок, потянул. Ничего. Хмыкнул, отряхнув руки, решил – надо будет ключи поискать. Не взламывать же его...

И тут вдруг что-то гроыхнуло наверху. Николай так и вскочил. Что там?!

Он увидел небо с одиноким рваным облаком, обрез крыши, летящую птицу. Ничего... На крыше, наверное, кто-то шляется, мало ли придурков на свете!

Гордеев не стал ломать голову над подобными ребусами. Еще раз отряхнул ладони и вернулся в квартиру, вмиг забыв о всяких непонятных звуках-стуках. Но только не о сундуке. Пожалуй, сейчас и займется поиском ключей, а заодно проведет инвентаризацию дядиного имущества. Все-таки есть в нас что-то от kleптоманов – любим шарить в чужих вещах. Впрочем, теперь все барахло в квартире по праву принадлежало ему, единственному наследнику Гордеева Михаила Евграфовича – старшего брата отца, Григория Евграфовича. Родной племянш, других не было, как и своих детей. Так и помер дядька бобылем. Так что вещички-то совсем не чужие!

Николай деловито огляделся – с чего начать? Ну, конечно же, со шкафа. И начал.

В последующий час с небольшим новый хозяин инспектировал территорию своего хозяйства. Среди разногохлама, место которому, честно говоря, на помойке, ключей, увы, не нашлось. А любопытство разгорелось еще больше! И решил так: раз нет ключей, так найду отмычку. Вернее, уже нашёл.

Со стамеской и молотком в руках он вышел на балкон, приблизился к реликту, и тут взгляд его наткнулся на висящую сбоку от сундука на гвоздике связку ключей.

Николай мог поклясться, что еще час назад ее здесь не было! Он присел, смотрел с обалделым видом, как мальчиш-

ка, угодивший в Диснейленд. Чудеса?... Но долго он над этим голову не ломал. Взял в руки связку, стал рассматривать.

Сюрпризы новоселья всё не кончались. Из четырёх ключей лишь один выглядел целым, у остальных бородки были аккуратно спилены неизвестно кем и за какой надобностью. На проволочном кольце болтались какие-то жалкие огрызки.

Решив ничему не удивляться, Гордеев отделил целый ключ, вставил в скважину – подошел как родной! – и провернул его. Раздался громкий щелчок, замок отвалился, Николай снял его и откинул крышку.

Сундук был пуст, если не считать нескольких ржавых гвоздей на дне, рассыпанных вперемешку со скрепками, кнопками и пуговицами. Да еще в углу тускло поблескивал брегет без цепочки – с первого же взгляда молодой человек определил грошовую стоимость часов. Таких штамповок пруд пруди. Разочаровано присвистнув, он подцепил часы и вернулся в комнату. Тайна дядиного сундука была раскрыта, азарт кладоискателя весь ушёл впустую, как пар в свисток.

Николай плюхнулся в старое продавленное кресло. Взвесил на ладони луковицу – тяжеловата для карманных часов. Небрежно поднял крышку... И брови его взлетели вверх.

Нет, ну что за день приколов такой?!

Вместо положенных двенадцати делений на циферблате были проставлены тринадцать цифр! Гордеев даже отвернулся. Помотал головой, зажмурился, вновь глянул – все то же, чертова дюжина часовых делений и всего одна стрелка,

стоящая на цифре восемь. Ахинея какая-то!

Николай поднёс часы к уху. Молчат. Он потряс их, опять послушал. Глухо.

Так, а как их заводить?.. Стал крутить, рассматривать, и ничего похожего на колёсико завода или хотя бы дырочку для ключа не нашел.

Он и сам не заметил, как задумался. И от дум этих его отвлек неожиданный звонок в дверь. Кого там еще черт принес?..

Оказалась соседка с первого этажа, пожилая женщина – старшая по подъезду. Проводила опрос жильцов на предмет установки металлической двери с домофоном. Услышав сумму взноса, Николай без раздумий согласился. Может, хоть бомжей да шпаны не будет в подъезде! Соседка тоже была довольна тем, что новый жилец оказался такой покладистый... Они вежливо поулыбались друг другу, попрощались, и тётенька зашаркала тапочками к лифту.

После этого визита Николай собрал часть мусора и ненужного старья в пакеты и вынес на площадку меж этажами. Кидая мешки в мусоропровод, услышал, как со скрипом отворилась дверь рядом с его квартирой. Топ-топ-топ, слышались шаги – человек спускался к нему. Николай обернулся.

Небритый плюгавый мужичок в майке и неимоверно растянутых на коленях спортивных штанах, руки и грудь усеяны наколками. На лиловых губах змеилась усмешка, в маленьких глазках тоже мелькало что-то хитрое.

– Здоров! Ты чё, новый жилец, что ли будешь?

Николай молча кивнул.

– Сын или кто?

– Племянник.

«Зек» понимающе хмыкнул, протянул жилистую руку:

– Василий, – и добавил, – из пятьдесят третьей.

– Николай, – пожал тот сухую пятерню.

В следующие четверть часа они стояли на лестничной клетке, курили, солидно беседуя обо всем понемножку.

– Район хороший у вас, – заметил между прочим Николай. – Лес, воздух!.. Классно.

– Х-хэ! – хрипло хохотнул сосед. – Хороший... Ты, видеть, не слыхал, чего у нас тут творится?

– А чего?

– Район-то, может быть, хоть и тихий, да только здесь-то черти и водятся!

Молодой человек вопросительно уставился на нового знакомого.

– Точно тебе говорю.

Василий наклонился к собеседнику, таинственно понизил голос:

– Маньяк тут у нас объявился. Колбасит кого ни попадая – слыхал, может?

Николай начал смутно припоминать что-то о серии нераскрытых убийств в городе, случившихся за последний месяц – местные новости по ТВ он никогда не смотрел, а газеты

читал от случая к случаю.

– Что-то слышал краем уха, – сдержанно молвил он.

– Семерых уже замочил, – так же таинственно сообщил Василий.

– Баб?

Тот вновь хохотнул.

– Если бы... То есть, и баб тоже, но последние двое были два чувака, молодые, вот как ты. Так что-о...

Коля лишь пожал плечами: мол, ну и что?

– Что! Поосторожнее ходи по вечерам, не ровен час...

– Ну, – усмехнулся Николай, – если он только не вампир или еще какая там нечисть. А всякий другой пусть только сунется – враз рога поотшибаю.

– Смотри, – покачал головой татуированный, – наше дело предупредить. А крутизной-то больно не выпендривайся, не таких обламывали. На каждую хитрую задницу найдется, сам знаешь...

– Знаю, – покривился Николай, разговор ему разонравился. – Ладно, бывай, сосед. Дел невпроворот.

– Бывай, – сощурился Вася.

Николай вернулся к себе.

Разговор оставил какой-то неприятный осадок в душе. При чем тут маньяк? И чего его бояться! Гордеев парень не в дровах найденный, как-никак, а в десантуре оттрубил два года – вначале водителем БМД, затем за баранкой «уазика», возил командира части. Само собой и подготовку специаль-

ную прошел, в рукопашной кого хочешь мог вырубить... Он подошел к старому дядиному трюмо, оглядел себя – высокий, плечистый, мускулистый. Пусть ЕГО маньяки боятся, мать их так!

Внезапно за балконной дверью снова что-то грохнуло, да так, что Николай вздрогнул. Он разозлился на себя, выскочил на балкон – оказалось, крышка от сундука, оставленного им распахнутым, с грохотом захлопнулась сама по себе. Списать все на проделки ветра не получалось – тяжела крышечка-то. Опять чертовщина! Может, здесь полтергейст поселился?

– Эй, дядя Миша? Это ты, что ли? Не помер?.. – оглядываясь по сторонам, пробормотал молодой человек.

Он шутил, конечно, но голос предательски дрогнул.

Николай представил себе дядьку в виде бесплотного духа, призрака, который никак не хочет утомониться на том свете, в своем новом качестве, вот и тревожит честных людей. От этого стало и смешно и как-то неловко.

Гордеев почувствовал, что ему не хватает воздуха. То ли атмосфера тяжелая в доме, то ли на душе как-то беспокойно, а только потянуло его на улицу, где ветер, простор, суeta и гомон.

Вышел из квартиры, спустился по лестнице – небольшая разминка, а то всё за баранкой приходится торчать. Уже скоро ходить разучится...

Весна ощущалась и внизу, на земле. Николай не спеша прохаживался по микрорайону, обследовал окрестные дворы, улочки, переулки. И... всё время чувствовал себя неуютно.

Да что такое, в самом деле?! На душе будто кошки скребут... Откуда им взяться, этим самым треклятым кошкам-то?... Всё вроде путем, особых проблем нет и не предвидится. Лишь бы не было войны – он усмехнулся, вспомнив расхожую фразу. Но столбик настроения упорно сползал к нулю.

Теперь и весело светящее солнце не радовало, и щебетанье оживших птах не склоняло к радостным мыслям. Неужели чертов сосед накаркал? Маньяк этот якобы где-то рядом ходит-бродит, жертву, значица, очередную ищет...

А хоть бы и так, ему-то какое до всего этого дело? Он, Николай, не сыщик, и не психиатр судебный, чтобы думку

горькую думать. Ну их всех к лешему! У меня – полный порядок.

Подумал так и быстро зашагал к дому, уже не любуясь пробуждением природы. По пути свернул к газетному киоску, газет прикупить с криминальной хроникой – хоть раньше никогда не интересовался подобной макулатурой.

У самого киоска, подходя, загляделся на красотку в мини-юбке и столкнулся с парнем в спортивной куртке. Пробормотал: «Извините». В ответ – ухмылка. Смейся, смейся, хрен моржовый, сам-то ведь не без греха поди – на телок молодых тоже облизываешься! Если, конечно, не из этих...

Оставшийся день Гордеев бесцельно прошатался по квартире, благо заказов не было, а значит и работы тоже – Николай занимался частными грузоперевозками. Строил приятные планы на будущее: сделать ремонт, обставиться новой мебелью. За окном смеркалось, когда он собрал нехитрый ужин; утолив голод, расположился перед телевизором, переключивал с канала на канал.

Вдруг он вскочил и прибавил громкость. Диктор местных новостей говорил о нашумевших в городе серийных убийствах.

– ...остаются нераскрытыми... – диктор сделал паузу и соответствующее моменту скорбное лицо. Затем легонько вздохнул, прояснился, поправил очки и уже другим голосом произнес:

– Сегодня у нас в студии гость. Это известный анали-

тик-криминалист, постоянный ведущий рубрики «Криминальный спектр» Бородулин Евгений Петрович.

Камера повернула влево и явила широкое бородатое лицо, чем-то неуловимо располагающее к себе. Серый пиджак тесновато сидел на грузной неуклюжей фигуре, но поклон отвесил телезрителям бородач ловко, прямо-таки по-светски – ясно, что не первый раз он на экране.

Ведущий повернулся к нему:

– Евгений Петрович! Думаю, что нам всем важно услышать ваше мнение по этому делу.

Бородулин бегло улыбнулся, откашлялся и начал:

– Здравствуйте, уважаемые зрители. Ну, что я могу сказать? То, что действует самый настоящий маньяк – не подлежит сомнению. Другой вопрос: кем он может быть и каковы его мотивы?.. Его жертвами стали за какой-то месяц семеро – одна молодая женщина, двое пожилых мужчин и четверо молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет. Как видим, половой и возрастной разброс достаточно широк. Но есть и определённые закономерности. Убийства совершены через равные промежутки – спустя три дня на четвертый после предыдущего. Нападает преступник, как правило, в безлюдных местах города, при этом район совершения преступлений четко локализован – это микрорайон Черемхово. Но самое главное, – здесь аналитик даже приподнял палец, – способ совершения преступления.

– Вот как! – ненужно встрял ведущий. – И что же это за

способ?

Гость кивнул:

– Убийца умерщвляет свои жертвы, всегда нанося им два смертельных удара: в грудь – в область сердца, и в горло острым продольным металлическим предметом. А перед этим он «отключает» человека ударом по шее или темени.

– Простите, – вновь возник очкарик, – как вы сказали: продольным металлическим... Если понятнее?

– Если понятнее, то это обоюдоострое колюще-режущее оружие, предположительно кинжал. Или морской кортик.

– Так, так... А насчёт «отключает»?

– Он всегда наносит удар сзади чем-то относительно мягким, вероятнее всего, резиновой дубинкой. То есть почерк всех этих преступлений совершенно одинаков... Это, полагаю, поможет следствию создать... ну, скажем так, и физический и психологический портрет данного субъекта.

– Угу... – телевизионщик вроде бы задумался, сдвинул брови и спросил: – Простите, вот вы сказали: удар сзади. Значит, он ухитряется как-то бесшумно подкрасться со спины?

– Совершенно верно, – бородач помрачнел. – Это ещё одна из характерных черт, и очень странная черта... Но впрочем, мы тут начинаем вторгаться в область оперативных тайн.

– Хорошо, хорошо, – легко согласился ведущий. – Ну, а портрет, про который вы начали? Он – не секретный?

Аналитик чуть усмехнулся:

– Думаю, нет. Вероятнее всего, со следователями, ведущими дознание, уже плотно работают психологи и психиатры. Я же по своему разумению могу лишь дать предположительный портрет. Он таков: убийца, скорее всего, является мужчиной молодого или среднего возраста – от двадцати до сорока лет; он крепко сложен, владеет приемами рукопашного боя; он, несомненно, личность психопатическая, но при этом хорошо организованная, он аккуратен и педантичен; вероятно, имеет высшее образование и... извините, следующее соображение я оставляю при себе, оно слишком смелое.

– Опять оперативная тайна?

– Нет, моя собственная.

– Вы нас интригуете... Но я, конечно, не смею настаивать. Скажите, пожалуйста, вот что: неужели вам удалось составить данное описание на основании тех сведений об убийствах, что просочились в прессу?

– В основном да, но не только.

– Поясните?

– Пусть это тоже останется моей маленькой тайной...

Диктор хотел что-то сказать, но тут ему, видимо, просигналили из-за камеры, он только развёл руками:

– Мы бы ещё рады были побеседовать с Евгением Петровичем, но как сами понимаете, эфирное время ограничено, и мы вынуждены сейчас сделать рекламную паузу. Оставай-

тись с нами!

И пошла реклама.

Гордеев выключил телевизор, откинулся на спинку кресла.

Вот ведь не было печали. Откуда такие уроды берутся?..

Николай попытался понять, что двигало этим изувером, ради чего тот закалывал людей? Осуществлял некий, лишь ему понятный план? Или время от времени слышал «голос», заставлявший убивать и убивать?.. Рехнулся на сексуальной почве? Но тогда почему не насиловал, не кромсал свои жертвы, не мучил... Он просто резал людей, точно и аккуратно. За каким хреном?.. Да разве поймешь логику психопата!

Николай оставил неприятную тему, решив, все же перед сном навести порядок хотя бы в кладовке. Легко поднялся, зевнул, потянулся, и направился в прихожую. По пути заметил треснутое стекло в наружной форточке и взял себе на заметку – в ближайшие же дни заказать и заменить, равно как и стекло балконной двери.

Подойдя к кладовке, отворил дверцу. Та жалобно скрипнула.

И ледяным холодом пронзило все тело, оборвалось дыхание – внутри стоял человек.

Мгновение! – и испуг улетучился. Николай чуть не рассмеялся нервно. Со страху он принял висящую на крючке дядину шляпу, под ней пальто на плечиках и еще ниже – сапоги за человеческую фигуру. Тьфу ты, твою мать!

Нервишки пошаливают, точно. С чего бы это? Впечатление от недавней смерти? Квартира, где стоял гроб с покойником?.. Но ведь это же дядя, родной дядюшка, при жизни – часовщик из мастерской, рядовой гражданин, житель города. Не чернокнижник же он, в конце концов, не колдун?!

В гудок все эти суеверия и предрассудки! Так и тронуться можно, того и гляди, крыша поедет... Тут лучше всего тяпнуть сто грамм и на боковую. Но Коля не был любителем крепкого, пивком-то, если и баловался, то редко.

Редко... Редко, да метко. А вот сейчас, пожалуй, как раз тот случай.

Недолго думая, Гордеев оделся и вышел из дома, направил стопы к «комку» неподалеку. Потом ещё немного прогулялся, а спустя полчаса уже прихлебывал прохладное пиво на кухне, хрустел чипсами.

Дурь прошла, ему стало стыдно и смешно. Вон какой лоб вымахал, а зашугался темного угла, как пацан, наслушавшийся страшных историй на ночь... Тут он припомнил эти все истории из своего детства, про «чёрную руку», про зловещего соседа, и развеселился совсем.

– Вот так-то, Николай Григорьевич, – неизвестно зачем сказал он и сделал большой глоток.

И что-то со звоном грохнулось в прихожей.

Николай поперхнулся, едва не выронил бокал из рук. Сердце подпрыгнуло!

Он ринулся из кухни и остолебенел.

По всему полу были рассыпаны осколки зеркала.

С минуту Гордеев стоял, глядя на пустую раму трюмо, на разгром на полу, затем механически повернулся, принес с кухни веник с совком и принялся так же машинально замечать мусор – руки противно тряслись.

Потом он несколько пришёл в себя.

Вот чёртова квартирка!.. Все, завтра же надо будет пригласить батюшку из церкви, пусть освятит. Сам-то он нехристь некрещеный, вот заодно и потолкует на сей предмет со святым отцом.

Так разволновался, что вышел на балкон, долго стоял там, курил, смотрел на огромный, в полнеба закат. Вроде бы успокаивался.

Выкурил три сигареты. Затянувшись глубоко в последний раз, он шумно выдохнул дым, сплюнул за перила, сказал вслух:

– Ладно.

И вернулся на кухню.

Допивал свое пиво, пялился в окно. То ли думал о чём-то, то ли нет. Багряный сполох заката постепенно втягивался, втягивался за горизонт... и вот осталась от него тонкая полоска и желтовато-бледный отсвет над ней. И пиво кончилось.

Был первый час, когда Николай лёг. Сон никак не шел, хоть ты тресни. Ворочался, ворочался... Дурацкие происшествия не шли из головы.

Где-то в районе двух он все же начал было засыпать, как вдруг загудел в ночной тишине лифт, поднимающийся откуда-то снизу. У Николая в полудреме промелькнула вялая мысль, что надо бы поставить вторую металлическую дверь снаружи, а еще оббить и наружную и внутреннюю поролоном и дерматином – для звукоизоляции и утепления. Дверь его квартиры располагалась ближе всех к лифту – тот был еще старого образца.

Он уже почти успел снова задремать, когда чертов лифт, наконец, с жутким грохотом остановился на их, последнем этаже.

«Вот сволочь», – сонно подумал Николай и поневоле прислушался к звукам снаружи.

Для того чтобы покинуть кабину, пассажиру лифта нужно было распахнуть створки, затем открыть решетчатую металлическую дверь и выйти. Чтобы зайти – то же самое, только в обратном порядке.

Из лифта никто не выходил, как и не входил в него. Вновь воцарилась глубокая тишина.

Николай лежал, оцепенев, сна ни в одном глазу. Пошли весёлые картинки: как в кабине лифта молча стоит покойник-дядька и сквозь все преграды смотрит на своего живого племянника, занявшего его квартиру.

А может, там затаился тот самый маньяк! Ждет, когда новый хозяин уснет и тогда... Что тогда? Вломится к нему, вышибет дверь или вскрыет замки? От этих мыслей Николай

похолодел. Он сейчас раздет, вял с полусна и безоружен. Бери его тепленьким прямо в постели. А хлипкая дверь и пара допотопных замков — не помеха.

Что же это такое?! Кто вызвал лифт, почему не заходит? Или не выходит? Да кто он, этот НЕКТО?!

Нужно встать и подойти к двери. Посмотреть в глазок — подъезд должен быть освещен, во всяком случае, он подметил, что на их этаже горела лампочка.

Преодолев подленькое чувство страха, молодой человек поднялся и, осторожно ступая, направился к входной двери. Глянул в глазок и тут же отпрянул, кожа покрылась мурашками — темень в подъезде стояла чернее ночи. Такое ощущение, что ни один из девяти этажей не был освещен. Может, электричество вырубili?

Рука потянулась к выключателю и тут же отдёргнулась. Он вспомнил: лифт! Ведь лифт работает, значит...

Он не успел додумать.

Над головой грянул дверной звонок.

Сердце рухнуло куда-то вниз, замерло там на мгновенье — подпрыгнуло и бешено заколотилось. Рот высох.

Сколько он так простоял окаменевшим истуканом, боясь пошевелиться, Николай не мог сказать. По-прежнему на уши давила зловещая тишина, ни звука с той стороны двери, будто и не было ни шума лифта, ни оглушительной трели звонка...

Как он на цыпочках, весь трясущийся от ночного холода и

страха, добрался до кровати, как все-таки заснул, этого Николай на утро так и не помнил. Отчетливо вспоминался лишь ужас, засевший в памяти и, похоже, засевший надолго.

Утром Николай, не выспавшийся и подавленный, наспех умывшись и позавтракав, позвонил в соседнюю квартиру. За ободранной дверью долго слышались неясные звуки, наконец, на пороге возник заспанный Василий.

Н-да, видок... Колтун на башке, небритая опухшая физиономия, изо рта разит перегаром. Глаза еле открываются.

– Слушай, – Николай брезгливо отодвинулся от сивушного «факела». – Ты вчера ночью ко мне не звонил случайно, по ошибке там? Я сквозь сон слышал, а вставать лень было.

– Чё?... – не понял Василий, качнулся, и глаза его совсем закрылись.

Гордеев разозлился, но сдержал себя. Раздельно, внятно повторил вопрос.

До соседа кое-как дошло.

– Не-а, – он провел пятерней по помятому лицу, и этим чуть разлепил веки, – вчерась я малость того...

– Малость?

– Да ну, чего... – даже ирония дошла, – один пузырёк приговорил. Пол-литра беленькой...

– И ко мне не звонил?

– Не.

– Понятно, – кивнул молодой человек и повернулся к лифту, – ну, тогда счастливо. Поправляйся.

– Слышь, – крикнул ему вдогон Вася-с-бодуна, – ты ночью никому не открывай. Да и днем тоже. А то мокрушник-то, помнишь...

Тут он хрипло закашлялся.

Николай, входя в лифт, только сплюнул с досады.

Вчерашняя благая мысль о церкви так и растворилась в дневной суете. Только он сел за руль, ещё и движок не прогрел – как позвонил знакомый клиент. Есть работа! Условия предложил хорошие, Николай согласился.

До обеда крутился как белка в колесе: развозил стройматериалы с загородной базы на склад фирмы, затем подоспел новый заказ – перевезти мебель частникам... Перевёз. Устал. Глянул на табло мобильного: пора обедать. И он покати́л домой.

По пути решил заехать в магазин, закупить продуктов. Вспомнил, что недалеко от дядиного дома есть приличный супермаркет. Ага – подумал. Туда и едем.

Отоварился по полной программе. Взял колбасы, хлеба, майонез, зелёного горошка две банки, печенье, чай. Хотел было прихватить и пивка, но передумал. Лучше уж вечером, свежего.

Довольный и нагруженный покупками, он пошёл на выход, распахнул дверь и столкнулся нос к носу...

С кем?

По всем законам жанра должен бы со своим покойным дядюшкой.

А вот и шиш. Конечно же, он столкнулся со своей давно забытой любовью.

Мариной.

...Аромат сирени и жасмина наполнял двор. В тёплых сумерках мягко звучали голоса, доносилась музыка. Здание школы празднично сияло окнами. Двадцать пятое июня – выпускной вечер, школьный бал.

– Так, – сказал Николай. – Что-то я не понял. Давай-ка, знаешь что... Вон видишь, скамейка? Давай присядем, поговорим.

– Не стоит, Коля, – сухо молвила она, глядя в сторону. – Это всё ни к чему. Разговоры... Всё решено, о чём говорить.

– Ну-ка, посмотри мне в глаза, – потребовал он.

– Перестань, – в голосе её звякнула неприятная струна. – Это смешно.

– Смешно? – переспросил он. – А почему я тогда не смеюсь?.. И если решено – то кто решил?

– Не надо, – тихо сказала она. – Не надо, Коля... Я понимаю тебя. Но и ты постарайся меня понять. Ведь наше детство кончилось. Вот, – она кивнула головой в сторону школы, откуда плыла сладкая, тягучая мелодия вальса, – видишь?.. Это прошлое! Последний день. Прогулки наши, кино, поцелуи – это всё так замечательно и мило, но ведь это юность...

И она улыбнулась так грустно и умудрённо, словно не семнадцать лет ей было, а сорок как минимум.

– Юность, – повторила она и вздохнула. – И она кончается. А впереди – жизнь. Целая жизнь, Коля, ты только представь! Всё это забудется... вернее, будет вспоминаться, как что-то такое... ну, я не знаю, может быть, как самое лучшее...

– Ладно, – грубовато перебил Николай. – Ясно, чего там. Суду, как говорится, дополнительных показаний не требуется, – он усмехнулся криво. – Тебя уже, наверно, потеряли, пойдём.

Это было сказано так, что она запнулась, растерялась даже. Хотела произнести что-то, но тут послышались за кустами быстрые шаги, звонкий девичий голос окликнул:

– Маринка! Ты здесь?

– Да! – так же звонко крикнула она. И Николаю – шёпотом: – Пойдём! Уже потеряли нас.

– Что ты там делаешь?! – смех, шаги ближе.

– Иду! – Марина побежала по тропинке на голос.

Николай подумал, что она обрадовалась случаю отделаться от него – но подумал он это как-то равнодушно, точно не о ней и не о себе.

До него донеслось шуршание платьев, опять смех и слова:

– Ты что там? Амурные дела? – он узнал голос Марининой подружки, Таньки Казаковой.

– Да так, – увильнула Марина. – Всё, идём!

– Ну, всё-таки? – не отставала Танька.

– Татьяна, – назидательно сказала Марина. – Ты знаешь поговорку про Варвару? Слишком любопытную?

Что Танька ответила, Николай не услышал, потому что сумерки взорвались целым хором:

– Таня! Марина! Где вы там?!

– Идём, идём! – дружно заголосили девушки – и дальше всплеск смеха, чей-то игривый вскрик – и голоса стали удаляться.

Холодная усмешка тронула губы Николая: его почему-то никто не потерял, не хватился. Видно всем всё равно, есть он, нет ли его... Ну и ему всё равно.

Он подошёл к скамейке, сел, закурил.

Сумерки вокруг быстро густели, от школы понеслась вдруг развесёлая музыка. Николай сидел, дымил, спина его чуть сгорбилась.

Странное чувство пришло к нему – спокойное и грустное, чувство взрослого одиночества, что ли. Марина действительно права: сегодня что-то кончилось. И он, Николай, действительно ощутил себя повзрослевшим лет на десять.

Какое-то время он осваивался с этой мыслью. Было даже что-то особенно мужское в ней, что-то такое от Печорина. Неудачи надо принимать спокойно, без истерик – как бы ни было в душе, а на лице спокойствие. Пусть никто не знает твоих бед.

Ладно! Он встал, швырнул окурок, с силой раздавил его ногой.

На бал не пошёл. После всего видеть это веселье, видеть Марину было не вмоготу. Домой?.. Нет, конечно. А куда? Да

куда глаза глядят.

Он пошёл по сумеркам. Шёл, поворачивал в первые попадающиеся переулки. Сумерки стали ночью, город стих. Переулки вывели Николая к спуску, к деревянным домикам, садам, заборам, гудкам пароходов на реке. Он зашагал под уклон, высокая трава хлестала его по брюкам. Так дошёл до самой воды.

Ночь была ясная, все звёзды, сколько их не есть, решили показаться ему в небе. Он сел на какое-то бревно, и больше уж с него не встал до самого утра.

Да темноты почти и не было – от звёзд и от луны, от их отражений в реке. Река казалась нижним небом, более живым и беспокойным – играющим, плещущим, мигающим; лишь с рассветом она стала терять эту искристую игру. Рассвет занялся за спиной Николая и поднялся над землёй очень быстро. Первыми загалдели, зачирикали разные мелкие пичуги, затем заорали в прибрежной слободе петухи, а потом и весь напористый городской шум заполонил пространство, и июньский день встал над миром во всей своей юной красе. Солнце стало заметно припекать спину под пиджаком.

Николай тяжело поднялся и сказал вслух:

– Ну, вот и всё.

И этими словами закончилась его юность. Началась жизнь.

И он стал жить. Была ли боль разлуки?.. Да была. Но она постепенно стихала – а на службе сделалось совсем уж не до

этого, тем более в ВДВ. Дни, месяцы, годы... И от неё, от этой давней боли остался совсем слабенький след – воздушная такая грусть, как одинокое облачко в сентябрьском небе. Ну, а потом на гражданке – девушки на ночь или на месяц, не дольше. Была, мол, без радости любовь – разлука будет без печали... Привык. Так и жил.

– Ой! – улыбка у нее вышла какой-то виноватой, но все такой же милой. – Коля!

– Здравствуй, Марина.

Он смотрел на это лицо, которое когда-то так любил и которым бесконечно мог любоваться, на эти губы, длинные ресницы, синие глаза, румянец нежной кожи, на волосы, бывшие когда-то длинными и золотистыми, а теперь короткие и выкрашенные в каштановый цвет... Смотрел и удивлялся тому, что ничему не удивляется.

Конечно, он заметил, что его бывшая возлюбленная уже не та юная Джульетта, что была восемь лет назад.

Пропала девичья округлость лица, Николай увидел и первые морщинки в уголках губ, и совсем другое выражение глаз: они не смотрели на мир так наивно, доверчиво и радостно, как тогда – в них явилась печаль прожитых лет – и сколько необъяснимым, столь же безошибочным чутьём он угадал, что эти годы не были безоблачными для неё.

Но это всё так спокойно легло ему на сердце – сердце не семнадцатилетнего юнца, но двадцатипятилетнего мужчины. И потому он только улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, Марина.

Ну, потом осторожные расспросы, что да как, лёгкая обоюдная неловкость, смущенные взгляды... и улыбки, помимо

воли, не смотря ни на что – понимающие, робкие еще, но уже радостные улыбки.

– Слушай, – спохватился Николай, – что же мы с тобой тут посреди дороги... Давай-ка в сторонку отойдём.

Он отшагнул, да так резко, что уронил завернутую в целлофан круглую буханку – та плюхнулась на асфальт, скакнула, как лягушка, только что не квакнула.

Марина кинулась поднимать хлеб, отряхнула целлофан своими холеными, наманикюренными пальчиками. Эта ухоженность рук сразу же бросилась в глаза Гордееву, равно как и то, что обручального кольца на безымянном пальце не было, и ногти очень коротко, даже как-то грубовато острижены, хотя и покрыты бесцветным блестящим лаком.

– Спасибо, – засуетился Николай, принимая буханку, – спасибо! Я тут... Слушай, ты не спешишь?

– Да нет, – Марина улыбнулась.

– Ага, – лицо его осветилось, – а ты вообще сейчас куда?

– Домой, – засмеялась она. – Я в соседнем доме живу. Вон в том...

И она указала на кирпичную пятиэтажку, припрятанную за башней супермаркета и тополями – ровесниками здешних зданий, выросших вместе с этой частью города.

– А-а!... – Гордеев совершенно искренне обрадовался. – Так мы с тобой почти соседи!

Марина приподняла бровь – как, мол, так? Николай объяснил.

– Ах, вот что, – кивнула девушка. – Ну, что ж... это замечательно.

– Слушай! – выражение лица Николая сделалось решительным. – Давай-ка я тебя провожу. Только жратву эту в машину кину... Вон стоит, рабочая лошадка... Ну, я сейчас!

Он метнулся к «Газели», бросил провиант на водительское сиденье и мигом вернулся.

– Порядок. Ну, пошли?

– Пойдем, – Марина вновь засмеялась, словно колокольчики зазвенели, и от ее смеха у Коли прямо-таки душа расцвела – вот как этот весенний день вокруг.

Они неспешно направились к пятиэтажке.

– Значит, тут живешь... – бормотал Николай, не замечая блаженной улыбки на своих губах... – А работаешь где, если не секрет?

– Да какой секрет. В поликлинике, – она вздохнула почему-то. – В двадцать девятой.

– Это тут где-то, неподалеку?

– Ну, да, районная здешняя. Через двор отсюда, во-о-н там.

– Ясненько... ясненько. Врач?

– Педиатр.

Николай похолодел, память судорожно напряглась. Педиатр, педиатр?.. Что за зверь такой?.. И как по заказу – бряк! – выпало откуда-то: по детским болезням.

Он кашлянул.

– Э-э... Это что, детский врач?

– Да. Районный... А ты?

Николай замялся. Вот и скажи тут – кто ты такой.

– Я... ну так, мелким бизнесом занимаюсь.

– Ах, вот как... И успешно?

– Ну, как сказать... На жизнь хватает, пока холостой. Конечно, крутиться приходится с утра до вечера.

– Ты не женат?

– Нет.

– И не был?

Он усмехнулся, покачал головой:

– Так и не сподобился... А ты?

Марина помолчала, прежде чем ответить. Чуть вздохнула и сказала без грусти:

– Я в разводе. Уже два года.

– Вот как. Дети?

Теперь она отрицательно покачала головой.

– Ясно, – сказал Николай. Повторил врасстяжку: – Я-я-ас-но... Приходя, стало быть, не радуйся, уходя – не грусти... Так?

– Понимаю. То есть, жизнь идет?

– Не говори, – теперь уже вздохнул он. Вскинул взгляд в небо, сквозь пустые еще ветви тополей. – Идет...

И – сам не ожидал! – разразился стихами:

Как же я забыл тебя, моя весна!

Закрутился за баранкой третий год...

Я храню ее в душе, как талисман,

Я старею, а она наоборот...

– Ко-о-ленька... Ты, никак, поэтом заделался?

– Да я всегда им был, – ловко нашелся Гордеев. – Только ты не замечала!

Посмеялись этому. Неловкость исчезла совсем, Николай вдохновился, хотел было еще как-нибудь сострить, но тут Марина сказала:

– Ну, вот мы почти и пришли. Вот мой подъезд.

– А этаж?

– И квартира? – в тон ему подхватила она.

Он ухмыльнулся.

– Этаж третий, квартира тридцать один.

– Буду знать, – кивнул он.

– А ты где живешь?

– А я не сказал?.. – спохватился он... – Во-о-н там, девятиэтажка... нет, отсюда не видать. Ну, словом... – и назвал адрес.

– Теперь и я буду знать, – улыбнулась Марина.

Они стояли на площадке перед подъездом. Что теперь?.. Слова все были сказаны, настало время расставаться.

– Ладно, Коля, я пойду, – и что-то лукавое мелькнуло в глазах девушки.

Ага, красавица... – отметил про себя Николай, а вслух

сказал:

– Да, да, конечно... Очень рад был встретиться... – и вдруг сделалось смешно, он не удержался, фыркнул.

Тонкие брови Марины приподнялись – чего смешного?.. Николай поспешил объясниться:

– Да я, знаешь, почему смеюсь-то... Мне уже новые соседи успели целый ужастик рассказать. Дескать, маньяк тут какой-то объявился. Семерых уже замочил. Да и по ящику вчера говорили... В общем, пугали в полный рост. И что же? Вместо маньяка я встречаю... – здесь он слегка запнулся, – тебя встречаю. Как нарочно, все наоборот!

Марина внимательно смотрела Николаю в лицо. Смешинка, игравшая в ее глазах, исчезла.

– Коля, – промолвила она. – Это действительно так. Это слишком серьезно.

– Ты про это слышала?

Она как-то зябко передернула плечами, отвела взгляд.

– Еще бы, – голос стал глуше, – не только слышала. Первый труп как раз к нам в больницу и привезли... к патологоанатому, как неопознанный.

– А он и, правда, неопознанный был?

– И остался таким, насколько я знаю. Судя по внешнему виду – приличный мужчина пожилого возраста, даже неизвестно, местный или нет.

– А-а... – протянул Гордеев и тут же поинтересовался, – а остальные что?

– Ну, как начала просматриваться серия, так их в судмедэкспертизу... Ох, слушай, Коля, давай оставим эту тему, хорошо? Это так ужасно, так неприятно, честное слово...

Наверняка это на самом деле было ужасно – теперь лицо молодой женщины совсем нахмурилось, даже как будто постарело... брови сошлись на переносице, а по углам рта сильнее обозначились морщинки. Но Николай ничего этого не заметил.

– Давай, – поспешно согласился он – так, точно готов был заговорить о чем-либо другом. Однако Марина повторила:

– Я пойду, Коля. Мне пора... надо, в общем. Ладно, до свидания! Рада была опять увидеть тебя.

– Если б ты знала, как я рад... Ну, пока.

Хотел было спросить телефон, но отчего-то не решился. Мелькнула мысль: может, сама спросит?.. Нет, не спросила. Развернулась, процокала каблучками к подъезду и, не оборачиваясь, пропала из вида.

Николай какое-то время стоял, смотрел на дверь парадного. Потом опомнился, улыбнулся, махнул рукой и заторопился к машине.

Шагая, развлекал себя мыслью: а вдруг кто-то из прохожих, встречающихся ему на пути, и есть тот самый маньяк?.. Ну, вот хотя бы тот дед... Нет, не подходит. Явный работяга в прошлом. А тот тип из телевизора ведь говорил – мол, скорее всего, интеллигент, да молодой к тому же... Ну, тогда вот этот парень в очках: самого что ни на есть интеллигентного

вида. Да и не хлюпик какой-нибудь – осанка четкая, спина прямая, плечи развернуты, как будто строевую выучку прошел... А, может, маньяк этот – баба? Может такое быть?! А отчего бы нет!...

Гордеев поймал себя на этой мысли, опомнился. «Тьфу, ты, зараза! Что только в башку лезет!...»

И запретил себе думать об этом. Добежал до своей полуторки, завелся, развернулся и покатил домой. Но не успел даже с площадки выехать, как его настиг звонок по мобильному.

Посмотрел на табло – диспетчер их фирмы, Тамара Михайловна.

– Да, Тамара Михайловна, – ответил он.

– Здравствуй, Коля! Есть тут два заказа, как раз для тебя... – затараторила та, помня, что время дорого, но Николай перебил ее:

– Тамара Михайловна, я сейчас дома буду. Через две минуты. Перезвоню с городского.

И отключился. Нажал на газ и через две минуты, действительно, оказался у себя. Тут же перезвонил.

Выяснилось, что появились два действительно неплохих заказа. Один – переезд с квартиры на квартиру, другой – мужик просил отвезти скарб на дачу, километрах в тридцати. Николай дал добро, согласовал время. Глянул на часы: засиживаться было некогда, он принялся наспех стряпать обед.

Но на сердце у него все равно было легко и радостно –

он и сам толком не знал, отчего. Хотя, чего тут гадать-то... Конечно, черт его знает, что там будет впереди – но сама эта встреча!.. Она всколыхнула всё, казалось бы, давным-давно пережитое, переболевшее и забытое навсегда. Ан нет, смотри-ка – не забылось! Не забылось, только боли почему-то никакой не было, а была легкая, прелестно-трепетная грусть – и ожидание чего-то, а чего именно – не хочется загадывать...

Весь такой утонченный и лирически настроенный, но худо-бедно сытый, Гордеев отправился выполнять заказы. С переездом управился за полтора часа (а оплатили два): помог погрузить, отвез, помог сгрузить, за что поимел дополнительный полтинник – и до свиданья. Но вот второй клиент, тот, что с дачей... Мало того, что оказался олух царя небесного – повез зачем-то кучу разного барахла на дачу к знакомым, а где она, дача, знал лишь приблизительно – так еще и зануда. Сморщенный, плаксивый мужичонка лет пятидесяти, он всю дорогу жаловался на свою никчемную и неинтересную жизнь... Но Николая сегодня даже этой унылой повестью невозможно было раздражить, настолько он был одухотворен. Да он и не прислушивался. Тот назойливо зудел под ухом, как комар, Николай кивал машинально, поддакивал, мычал нечто невразумительное – а сам плавал в мечтах, совершенно неясных, но ужасно приятных, улыбался невпопад – впрочем, за дорогой следил зорко, профи он был настоящий.

Этот полудурок, естественно, дом своего приятеля сразу

не нашел. Долго плутали по узким кривым проездам дачного поселка, упирались в тупики, пятились задом... Тут Гордеева проняло-таки, он начал материться про себя, вслух же воздерживался – какой-никакой, а клиент; кто платит, у того и музыка. Тем паче, что не бесконечной была эта маята – нашелся и участок, и сам дом, к тому же выяснилось, что зануде надо помочь разгрузиться, да довезти его обратно... под это дело Николай выдоил из него еще сотню.

Назад дорога показалась веселее, хоть пассажир, чтоб ему пусто было, все ныл и жаловался. Ни одного не осталось предмета, на который он не навел критику. На детей, на жену, на дороговизну, на погоду... Николай же гнал полуторку лихо, в душе его сиял свет, как в небе над головой – день этот, пусть и уходящий в вечер, был чудным, безоблачным и теплым, поторапливающим лето.

Лето, лето! Гордеев улыбнулся. Он очень любил лето – может быть, потому, что родился зимой, да еще в самые крещенские морозы. А это лето еще и прийти не успело, как угостило такой вот волнующей надеждой...

Пока отвез нытика, пока добрался до дома, и впрямь, настал вечер, зазвучали голоса во дворе, детский смех. Николай, как только поставил «Газель» на стоянку, запер двери – сразу почувствовал, как устал за день. Это была хорошо знакомая ему, славная такая, трудовая усталость, чувство рабочего удовлетворения. Оно требовало пива с какой-нибудь пряной закусочкой, и Николай отправился к ближайшему

ларьку. Взял баллон, сухариков соленых и направился к себе неспешною походкой хорошо поработавшего человека.

Так же не спеша, обстоятельно приготовил он ужин, поел, глотнул пивка. Настроение было умиленно-размягченное, мысленный Маринин образ – не этой, сегодняшней Марины, а той, из далекого уже школьного мая – реял перед ним. Он улыбался, и сам не замечал того.

Впрочем, сказать по правде, девушка вовсе не подурнела за прошедшие годы. Изменилась – да, но осталась красивой, по-другому, но красивой... Николай представил себе ее полуденное лицо – запросто вызвал, одним легким усилием воли. Прищурился, полюбовался им: теперь можно было делать это, не смущаясь, сколько душе угодно...

Он наслаждался этим минуты две, после чего отпустил видение. Но улыбка все не слетала с его губ, осталась, даже когда он рассеянно дожевывал остатки своего ужина. Покончив с трапезой, он глянул на часы, наскоро вымыл посуду, взял пиво, сухарики, помутневший от времени стакан и перебрался в комнату, к старенькому дядиному телевизору.

Должны были показывать футбол, чемпионат России. Николай малость опоздал к началу, но потерял не много: игроки тяжело катали мяч по сырому грязному полю; очень скоро они все перемазались, и трудно стало – да еще на черно-белом экране – разобрать, кто есть кто. Да уж, унылая шла борьба, не чета мировому первенству, или там Лиге чемпионов, которые любил смотреть Гордеев... Но он смотрел

таки, прихлебывая из стакана, и зрелище это не шибко-то его и интересовало, в голове его, приятно затуманенной пивом, витали неуловимые облачные грезы. Он никуда не спешил. Допив стакан, не сразу наполнял его, грыз сухарики, переводил взгляд с экрана в окно. Вечер уже царил над лесами-полями – окно смотрело на восток, и небо вдалеке почти слилось с горизонтом, замерцали звезды. Николай глядел, приятная, неизъяснимая словами грусть овладевала им, он закрывал глаза, откидывая голову на спинку кресла, уносился мечтами... куда? Да сам не знал – куда, да и знать не хотел. Вскоре возвращался. Наливал следующую порцию пива.

Очень ему нравилось это занятие, и мало-помалу он стал чувствовать, как его клонит в сон. Зевнул раз, другой... Веки отяжелели... Пива осталось на доньшке, футболисты через силу докатывали матч. Да, пожалуй, пора ложиться спать.

Николай решительно встал, выключил ящик. Пошел в ванную мыть руки; проходя, глянул в дверной глазок – на площадке ярко горела лампочка, было светло, весело и все хорошо видно. Николай усмехнулся своим вчерашним страхам.

Умылся, почистил зубы – он вообще был чистоplotен. Улыбнулся, предчувствуя сладкий сон. Быстро разложил диван, постелил, рухнул на него и тут же заснул – как в омут провалился.

Но недолго ему пришлось почивать. Разбудил тихий стук в дверь.

Гордеев так и подскочил на диване. Сна – ни в одном глазу.

И снова – тук-тук – тихо так в дверь.

Николай мимолетно удивился: как он ухитрился во сне услышать этот легонький стук?! И сразу подумал: небось Вася, сосед, возжелал составить компанию... Да ведь больше и некому.

Соскочив с дивана, Николай протопал к двери – в глазок даже не заглянул, так и распахнул ее.

И обомлел.

Да было от чего!

Вот теперь в ярко освещенном коридоре стоял не кто иной, как дядя.

Одет он был в то, что висело в шкафу, и что перепугало вчера до полусмерти: черное длиннополое пальто и шляпа, низко надвинутая на лоб.

Гордеев этого поначалу даже не заметил – дядиною прикида – настолько был сражен самим фактом явления покойника.

Какое выражение сделалось у ошарашенного молодого человека, Бог ведает, а вот язык его сам собою едва не брякнул:

«Господи, дядя! Ты не помер, что ли? пошутил так?!»

Но не успел. Ибо дядя приложил палец к губам: тихо, племянничек! Молчок.

И Николай все понял враз.

Михаил Евграфович отступил на шаг в сторону лифта и тем же пальцем поманил молодого человека: ступай, мол, за мной. Вновь Николай все понял и без шума вышел из квартиры.

Дяде, очевидно, понравилась понятливость племянника. Он приглашающим жестом махнул рукой, повернулся и, уже не оглядываясь, устремился к лестнице.

Николай без слов последовал за ним. Отчего-то дядя не воспользовался лифтом, а зашагал вниз пешком. Коля следом, все молча. Спускались они необыкновенно быстро – моргнуть глазом не успели, как уже внизу.

Дядя, как вышел из подъезда, сразу взял влево. И Николай, понятно, за ним. Двигались с той же скоростью, но дорога, будто сама, впадала в память Гордеева – он запоминал весь путь, вплоть до травинки на обочине.

Черная дядина спина повела его через дорогу, в лес. Сперва по тропинке, затем дядя свернул опять влево и резво потопал по подлеску, лавируя меж стволами деревьев. Недолго шел – как все тут было недолго. Показалась полянка.

Михаил Евграфович обогнул лужайку по дуге и приблизился к зарослям: небольшим хвойным островком здесь росли молодые елочки. Возле них родственник замедлил шаг.

Сердце Николая часто забилося – стало ясно, вот оно, что-то главное, ради чего была предпринята эта странная ночная прогулка. Вмиг пересохло во рту, язык стал неповоротлив. Откуда ни возьмись заиграла музыка – такая протяжная, тоскливая, заунывно-тягучая... А дядя-то как раз повернулся в его сторону. Повернулся, и сердце заколотилось пуще прежнего, и...

И Николай Гордеев проснулся.

Во рту было сухо, как в астраханской степи, сердце несло в сумасшедшем галопе. В комнате светло. Утро. Никакой музыки не слышать, будто и не было ничего. Или было?..

Николай видал виды и похлеще этого ночного кошмара, он не вскочил, не заметался как оглашенный. Полежал, приходя в себя... Пришел. И только после этого привстал, огляделся.

В самом деле, было утро, совсем раннее. Гордеев поднялся, подошел к балкону.

Дальняя часть леса еще плыла в тумане. Николай отвел щеколду, вышел наружу, посмотрел вниз. Вот она, та самая тропка – сразу узнал ее.

Точно то был не сон!.. Николай даже потряс головой, зажмурился. Открыл глаза, поймал себя на том, что теперь не очень верит себе: где сон, где явь.

Он бегом метнулся назад – к шкафу, открыл его. Все на месте. Вот, пожалуйста – шляпа, пальто, сапоги.

Гордеев схватил шляпу, перевернул – словно ее внутренность могла ответить на все его вопросы. Но ничего, конечно, шляпа не сообщила. Там была затертая шелковая подкладка, бирка фабрики и не более того.

Но это же не сон, черт бы его взял, не сон!.. Николай повесил шляпу на место, впопыхах оделся и кинулся прочь из дому.

Почему-то он и не вспомнил о лифте, а понесся бегом по лестнице, как вел его давеча дядя.

Или призрак дядин?..

Выбежав на крыльцо, он даже не остановился, той же рысью припустил по невидимому маршруту – он помнил его, как дату своего рождения. Вот тропинка, вот та травяная розочка на обочине. Тропка бежит вниз, но нам туда не надо...

На этой фразе его заклинило. «Нам туда не надо, нам туда не надо...» – твердил он про себя бессмысленно. А куда надо? Он знал – куда. Вон они, елочки. В почти голом апрельском лесу их видно издалека – этакий ориентир для тех, кто верит в сны.

Тревога вкрадчиво коснулась его души. Он остановился и долго смотрел на хвойные заросли, не решаясь подойти ближе.

Что-то там было. Он знал это твердо. ЧТО-ТО УЖАСНОЕ.

Тревога разом переродилась в страх. Но он все же пере-сил себя. Зло стиснул зубы и зашагал к еловому островку.

Николай уже догадывался, ЧТО он там обнаружит.

Дальнейшее опять происходило точно во сне. Он двигался как лунатик – отвел разлапистые ветви в сторону, шагнул и очутился на лужайке. Глаза сразу нашли то, чего Николай ждал. И боялся.

Распростертое на земле тело. Человек лежал навзничь, широко раскинув руки, точно прилег на травку, успевшую выбиться из-под земли к весеннему солнышку.

Гордеев медленно приблизился, впился взглядом в лицо молодого мужчины – рот разинут в жутком оскале, зрачки закатились, пугая бельмами – не лицо, а застывшая маска. ТАК выглядеть мог только труп.

Незнакомец и был трупом – на шее его зияла страшная резаная рана. А в грудь, под сердце бедолаге нанесли удар ножом или заточкой – по светлой ветровке расплылось багровое пятно.

Николай судорожно сглотнул, почувствовал, как затряслась каждая поджилка в его враз ослабшем теле. ЭТИ РАНЫ! – сомнений нет: здесь побывал и действовал тот самый маньяк – неуловимый, жестокий, непредсказуемый. Этот выродок нанес очередной удар, утолил кровью свое вурдалачье нутро.

Потрясенный, Гордеев попятился назад, споткнулся о корень, едва не упал.

Это привело его в чувство.

Николай не помнил, как он убрался с ТОГО места, как проделал весь путь обратно, поднялся к себе. Очнулся уже у себя в квартире, постепенно осозная, что сидит, скорчившись, в кресле, и его бьет крупная дрожь.

Что делать? Звонить в ментовку? Обязательно спросят, как очутился ТАМ, в ранний час? Вышел погулять, совершить утренний моцион?.. Чепуха! Не поверят, не лохи. А если что, на него и повесят – им ведь, ментам, главное, дело закрыть, а уж виновного или невиновного черпанули – всем по барабану.

Вот ведь подляна-то какая! И как его угораздило «увидеть» все это во сне, а потом переться на эту злосчастную полянку?! Прodelки подсознания? Или... или может, он экстрасенс?..

Экстрамудак – вот ты кто! – зло сказал себе Николай.

Никуда он не пойдет, и звонить тоже не станет. Черт с ним, с трупом – другие обнаружат. Покойнику ведь уже ничем не поможешь. А вот ему, Гордееву, стоит поразмыслить кое над чем.

В следующий час с небольшим он размышлял – во всяком случае, пытался это делать. В результате пришел лишь к одному, но парадоксальному выводу: каким-то боком он связан с маньяком.

Знаки – вот правильное слово! Это – знаки судьбы: смерть дяди, странная находка – брегет – в столь же странном сундуке, подозрительный треп алкаша-соседа, ночной звонок,

всякие непонятки в духе полтергейста и – самое главное! – вещий сон и ужасная находка потом.

Ну, если это не знаки – отстрелите мне башку! Знаки... зловещие вехи... чего? Или правильнее: на каком таком пути? И не особый ли это путь, или особенное предназначение? И что будет дальше?!..

Дальше у него разболелась голова. Николай не привык думать так долго и столь усиленно. Решил сегодня не работать, на звонки не отвечать. Просто был не в состоянии правильно действовать и четко мыслить. Какая уж тут работа – за рулем ведь, не землю копать.

Мысли о земле и лопате неожиданным образом передвинулись к кладбищенским копателям могил, к покойникам и убиенным... Они оказались яркими, такими образными, как наяву – Николай увидел и скорбные лица людей, и разверстый зев могилы, и яркую зелень вокруг и ослепительно синее летнее небо...

Он чуть не застонал вслух, согнулся в три погибели. Но тут же разозлился на себя, встал: слюняй! Распустил сопли. А ну-ка!

Пошёл на кухню. Есть не хотелось, но он кое-как затолкал в себя завтрак; долго, мелкими глотками пил чай. Затем решил выйти из дома, хоть немного развеяться... В одиночестве того и гляди, крыша поедет.

На улице, среди прохожих и машин, и правда, чуток полегчало. Он бесцельно бродил по городу, озирался, старался

присматриваться ко всяким пустякам. Это отвлекало, он даже заулыбался, увидев, как по газону скачут, сердито чирикают, наскакивают друг на друга воробьи. Остановился, стоял, смотрел, улыбался. Уже и воробьи упорхнули, а он всё стоял.

Потом улыбка сошла с его лица.

Затылком, кожей спины он ощутил странный холодок. Мурашки побежали по спине.

Он круто обернулся. Ничего.

Но – Николай был готов поклясться! – что-то было. Недобрый взгляд, предчувствие?.. Чёрт! Словно мало того, что было.

Утренняя тошнотворная картина сама встала перед глазами. Левый угол рта так и потянуло вниз, губы задрожали. Николай торопливо зашагал в глубь двора – зачем, сам не знал.

Знаки! Это вновь знаки, точно. Николай зыркнул влево, вправо. Ага, вот.

Ствол осины у одного подъезда был обвязан ярко-алой лентой, вроде пионерского галстука. Это знак. Надо идти дальше. Он ведёт.

Гордеев напрягся, плечи свелись, спина скруглилась. Шаг стал медленней, плотней. Взгляд искал знаки.

Конечно, он нашёл их. От повязанной осины взор скользнул в сторону, наискось через двор и попал в стену трансформаторной будки.

Стоп!

На кирпичной, кое-как выбеленной стене синим мелом крупно начертан вопросительный знак.

Николай двинулся туда. В горле у него пересохло, он с трудом сглотнул. Дойдя, остановился, стал смотреть, покусывая губы.

Ну что: знак как знак. Набросан резко, одним взмахом руки. Николай пожал плечами, огляделся. Куда дальше?

И неведомое не замедлило откликнуться.

Лёгкое дуновение ветра пробежалось по ветвям лип над головой. Донёсся тягучий скрип.

Гордеев вскинул голову.

Двор был пуст. У второго подъезда жёлтой пятиэтажки медленно закрывалась распахнутая подъездная дверь.

Вот оно! Николай бросился туда.

Знаки вели его. Теперь он твёрдо знал это.

Он домчался до той двери за несколько секунд. Она закрылась перед самым его носом.

Это была старая, много раз перекрашенная дверь, изрезанная, испарпанная, со следами клея и бумаг, разных объявлений. Верхняя часть, сделанная под четыре оконца, давным-давно выбитые, заколочена фанерой.

Один обрывок привлёк внимание Николая. Кусок тетрадного листа в клеточку, пожухлый, выцветший, едва различимы были на нём чернильные буквы. Николай осторожно поднёс руку, дотронулся пальцами, разгладил бумажный зави-

ток. Вгляделся. Слова все растеклись, и только прочиталось: «...остановка «Снежный бульвар»...

Снежный бульвар. Так! Это ближайшая отсюда остановка на Проспекте. Николай обернулся, сощурился, прикидывая маршрут. Сквозь дворы, вот туда... и вон там. Ладно.

Упругой охотничьей рысью парень припустил к Проспекту. Он шёл по знакам как траппер по следу зверя, азарт и опаска разжигали его. Что-то говорило, что там, на остановке – всё. Конец погони. Разгадка.

Николай то бежал, то переходил на скорый шаг, то вновь пускался трусцой. Бульвар приближался. Приближался. Но...

Но чем ближе он, тем медленнее делался ход, а за два дома до Проспекта Гордеев и вовсе остановился – как человек, вспомнивший что-то важное. Он постоял, брови его хмурились. Посмотрел влево, увидел лавочку и сел.

Стоп, Коля – сказал он себе. Это ты что-то того... Перегрелся. Он приложил ладонь ко лбу, будто и в самом деле хотел охладить его. Но ладонь была горячая. Николай опустил руку.

Чёрт, какая глупость. Он точно протрезвел. Глянул вверх. Небо такое ясное, крохотные листочки такие зелёные... Он потряхнул головой и встал.

Николай немного рассердился на себя. Наваждение схлынуло, и теперь он очутился дурак дураком. Аж плюнул с досады. Полез за куревом, достал пачку и обнаружил, что си-

гареты кончились.

Ну вот, новая напасть. Всё равно придётся на остановку переть, к ларьку.

Дошёл, купил пачку сигарет. Распечатал, закурил...

И боковым зрением угадал слева чей-то взгляд.

Нервы всё-таки у него были на взводе. Он резко повернул голову.

Женщина средних лет, одетая во все черное. Монашка? Вдовица?.. Смотрит.

Почему?

Почему она смотрит ТАК?! У меня что – клеймо на лбу?

Николай поперхнулся дымом, раздражённо отвернулся, зашагал прочь. Но так и потянуло оглянуться... Он шёл, шёл, боролся с искушением, и проиграл. Оглянулся – та смотрела ему вслед.

Это раздражило его ещё сильнее, так, что он в досаде выбросил недокуренную сигарету, стиснул зубы и пошел, куда глаза глядят. А глядели они, как оказалось, вдоль Проспекта. Николай и не заметил, как отмахал до следующей остановки.

Там он малость поуспокоился. Опять стало смешно и неловко, немножко даже стыдно... Он остановился неподалеку от скамеек с навесом, закурил по новой. Стоял, курил. И что?.. Понятно, что – ему в третий уже раз стал мерещиться чей-то взгляд. Николай затягивался, выдыхал дым, старался не думать о глупостях, заставлял себя быть спокойным... и не выходило. Взгляд жёг затылок.

Проклинаая себя, он обернулся. И сразу увидел этот взгляд. Молодой мужик – здоровый такой, высокий, светло-волосый, симпатичный, чуть улыбаясь, смотрел прямо в глаза.

Что-то знакомое показалось Гордееву в этом парне в первую секунду. А во вторую он понял, что – таков обычно типаж положительных героев в кино. Именно таких парней стараются подобрать на главные роли: рослых, стройных, улыбчивых, с неуловимым каким-то обаянием...

И тут этот социальный герой улыбнулся шире и двинулся прямо к Николаю.

– Закурить не найдется, земля?

Тьфу ты. Ларчик-то как просто открывался... Николай выбил из пачки сигарету, протянул.

Парень сразу же бойко попросил и огоньку. Николай дал, но внутренне поморщился – неужели до сих пор не перевелись стрелки, у которых ни курева своего, ни даже сраных спичек, не говоря уж о зажигалке?.. Попрошайки позорные! Дешевки!...

Здесь Гордеев испугался, почувствовав, что начинает вскипать. Кивком ответил на «Спасибо» и быстро пошел прочь. Подальше от греха.

Решил перейти улицу. Подошёл к проезжей части, вместе с другими ждал зеленого света. Мимо промчалась маршрутка, круто вильнув вправо – люди шарахнулись в испуге, в том числе и Николай.

– За дорогой следи, козел! – зло выкрикнул вдогонку он. От него отшатнулись старшеклассницы в коротких юбочках.

«Мокрощелки, – подумал он, отведя взгляд от выставленных на показ оголенных ляжек, – будущие шлюхи!..»

Слова эти едва не сорвались с его языка, и он опять поймал себя на вздорном раздражении.

Чёрт. Да уж, тут немудрено нервам быть взвинченными. История с географией!..

Здесь загорелся для пешеходов зелёный, и Николай со случайными попутчиками пересёк Проспект. На том берегу группка пешеходов сразу же распалась – кто куда; Гордеев же задумчиво пошагал прямо, в глубь дворов.

Он в самом деле думал. История... – неохотно думал он. Да уж, влип. Это приходится признать. Квартира дядина, маньяк, привидения какие-то... К едрене-фене всю растакую романтику! Да, именно туда... Только вот как?

С этими мыслями он не заметил, как очутился на боковом проулке, возле пятиэтажного дома сталинской постройки – весь первый этаж занимали магазинчики. Он прошелся рассеянным взглядом по вывескам...

Стоп! Он так и замер.

Одна вывеска гласила: «Салон «Магикус» – гадание, предсказания, корректировка судьбы, оккультные консультации».

И он сам не понял, как его повлекло туда.

Вошел, прозвенев тибетскими колокольчиками над дверью, и оказался в тесноватом затемнённом помещении.

Помещение было обитаемо: за массивным, с затейливой резьбой столом восседала крупная молодая женщина в строгом темном пиджаке. Волосы её были выкрашены в платиновый цвет, и это почему-то неприятно кольнуло Гордеева.

– Здравствуйте, – приветливо сказала она.

– Здравсьте, – Николай огляделся по сторонам – какие-то статуэтки восточных божков на полках, по стенам развешаны странные, заумные картины.

– Что вас интересует? – поинтересовалась хозяйка мягко. – Астрологический прогноз, кармическая карта жизни, гадания: на Таро, по «Книге перемен», числовая мантика, хиромантия? Или, может быть, снятие порчи, сглаза, «венца безбрачия»?.. У нас широкий спектр услуг и полная конфиденциальность.

– Мм... хиромантия – это, как я понимаю, гадание по ладони?

– Совершенно верно, – кивнула Кассандра и разъяснила: – Правая рука символизирует вашу текущую жизнь, левая – то, что предначертано. Желаете?

– А сколько это стоит?

– Совершенно недорого. Один сеанс – тридцать рублей.

Николай секунду поразмыслил, потряхнул головой:

– Валяйте.

– Прошу.

Она подвела гостя к низкому столику, жестом усадила в кресло, сама расположилась напротив. Попросила положить ладони на стол. В последующие несколько минут изучала их – узоры, линии, выпуклости – пристально всматривалась, измеряла расстояния небольшой линейкой, все время что-то неразборчиво шепча себе под нос.

Наконец, закончила осмотр, отодвинулась, подняв голову. Их глаза встретились – в глубине ее зениц читалось неподдельное удивление, интерес и... еще что-то там было, похожее на... На что? На испуг?..

Или так только показалось?

– Смею сообщить, вы необычный человек, – промолвила дама. Сделала паузу и добавила: – И судьба у вас необыкновенная.

– Я уж догадываюсь, – уныло молвил Николай.

– Догадываетесь? – она крайне оживилась. – Каким образом?

– Да так... – стало досадно, и он пожалел, что это вырвалось. – Так, – повторил он. – Пустяки.

Она всё поняла.

– Не хотите говорить... Что ж, дело ваше. Но я всё-таки должна вас предупредить о... о тех силах и возможностях, что сокрыты в вашем естестве. Они очень необычны, эти силы... Вас это не интересует?

Николай отрицательно мотнул головой.

– Нет. Меньше знаешь – лучше спишь.

– Ну, в этом есть резон, – хозяйка улыбнулась. – И тем не менее... Подождите-ка минутку.

Она встала и вышла, скрывшись за дверью во внутреннее помещение. Что она там делала – неизвестно, ни шороха Николай оттуда не услышал. Впрочем, через полминуты женщина вернулась.

– Вот, возьмите, – она протянула ему какой-то гладкий, тускло поблёскивающий камешек. – Это талисман-помощник, охранительный амулет.

Николай встал, хотел опять спросить про цену, но мадам его опередила:

– Это дар. Его ценность деньгами не измеряется.

Не измеряется, так не измеряется. Николай пожал плечами, принял из рук женщины этот обычный с виду кусочек то ли гранита, то ли мрамора.

– Вам необходимо найти Учителя – любого, хоть здесь, хоть оттуда.

– Откуда – оттуда?.. – Гордеев сдвинул брови.

Но хозяйка только вид загадочный сделала и подошла к кассовому аппарату, холёными пальчиками потыкала в кнопки.

Ясно, стало быть: сеанс закончен, выметайся.

Расплатился и вышел из полумрака на солнечный свет. Побрел вдоль домов, думая об этой беседе, и вскоре впал в скепсис, покачал на ходу головой.

Чепуха все это. Бред! Магикус!.. Такая же шарлатанка, как

и все эти экстрасенсы, колдуны, пророки. Развела его на бабки, а он, осел доверчивый, развесил уши. Правда, бабки-то... тридцать рублей... но ведь с миру по нитке – голому рубаха, а Мэрилин эта Монро к тому же никак не голая.

Он чуть не рассмеялся вслух. Лох несчастный, поверил во всякую чушь – и кому! Необычная судьба, особое предназначение, амулеты и обереги – как же, держи карман шире!

Нет уж, хватит. К черту сны, гадания, знаки! И маньяка этого со своими жертвами туда же! Его это никак не касается. Он – Гордеев Николай Григорьевич, бывший десантник, а ныне водитель, занимающийся частным извозом, наследник дядиной квартиры.

Но вот дядя... и квартира... Сомнения вновь одолели его. Он попытался побороться с ними... и не больно-то вышло. Слишком уж они оказались сильны. Не одолеть их, чертей.

Н-да – решил Гордеев. Так просто теперь от этого, конечно, не отделаться. Но что же тогда? Будь что будет?.. Ну, не знаю.

Он даже остановился. Вот ведь не было печали! Счастье, мать его, привалило... Ладно, пойду-ка домой, авось по дороге что-то да придумается.

И авось не сработал. Николай шёл медленно, руки в карманах, лик суровый – но под этой философической оболочкой мысли шевелились вяло, сонно как-то, и ни к чему путному так и не сползлись. Правда, уже на самом подходе к дому ни к тому, ни к сему вспомнились слова гадалки: «...

ищи Учителя».

Учителя! Какого учителя? Греческого языка?.. Непонятно.

Неизвестно почему Николай вынул из кармана амулет. Перекатывая камень в ладони, присмотрелся внимательнее. Яйцевидной формы, гладкий как стекло, серой окраски с множеством искрящихся крапинок. Странно, гладыш производил впечатление живого, словно в нем теплилась жизнь. Гордееву даже почудилось тепло, исходящее от камня-амулета. Интересно, что это за порода? «Может быть, кварцит?» – подумалось ему, но дальше гадать он не стал – бесполезно, когда ты ничего не смыслишь в геологии и петрографии.

Да, любопытно. Но что толку! Слова и игрушка. Хотя слова... Слова смутные и загадочные, и беспокоят. И, конечно же, эта чёртова прорицательница права: судьба! После утренней прогулки с дядей это ясно до смешного, безнадежно ясно. Дама лишь подтвердила это.

Дрожь пробрала по спине. Николай зябко передёрнул лопатками.

Просто так не кончится. Господи!

Он представил, как маньяк кружит по району, неведомый, никем не узнаваемый – скромная, неприметная, очкастая фигурка... Здесь, рядом, в двух шагах! По улицам, по каким ходит и он, Николай Гордеев! Может, они сталкивались уже лицом к лицу, может быть, на щеке своей на миг он ощутил дыхание убийцы!..

Ещё раз дрогнула спина.

Ведь эта сволочь ходит по тем же улицам, что и Марина!

Николай невольно сжал кулаки. Ну-ну, с угрозой сказал про себя. Посмотрим...

А чего – посмотрим, и сам не знал.

Скорым шагом он пошёл домой. На душе сделалось сумеречно, и он никак не мог от этого отделаться... Поднявшись к себе, решил, что лучше всего попробовать поспать, и прилег.

Проспал час, слава Богу, без дурацких кошмаров и вообще без сновидений. А тут и время обеда подоспело, Николай с аппетитом порубал, затем позвонил диспетчеру и, постаравшись сделать голос поскучнее, поведал, что малость занемог и не сможет сесть за баранку.

– Да конечно, конечно, Коля! – затарахтела Тамара Михайловна, – что ты! Лечись, милый, выздоравливай, ты нам здоровый нужен!..

Коля рассмеялся, пообещал к завтраму выздороветь, повесил трубку и пришёл в хорошее настроение. Бодро крикнул, расправил плечи и взялся за уборку. Мобильник выключил.

Он прибрался, вымыл полы, вставил вместо разбитых привезенные накануне стекла – одним словом, хлопотал по дому, по хозяйству... Время пролетело незаметно.

Ближе к вечеру мелькнула мысль, нанести визит Марине, но он тут же отверг ее – не то. Рано покуда. Ничего, у него

еще все впереди!..

Весь вечер просидел у телевизора – ничего стоящего, либо глупые развлекательные программы, либо фильмы с реками крови, потоком пошлости и непристойностей, да бессмысленными погонями, драками и перестрелками. В вечерних новостях по местному каналу ни слова о новом трупе.

Так и провалял дурака до полуночи.

И чем ближе ко сну подходило время, тем заметнее уходила дневная бодрость. Опять предчувствия... Слишком уж бронебойной выдалась прошлая ночь. А что теперь припасли ночные демоны? Какие кошмары нашьют, лишь только он смежит веки?.. Неужели повторится – явится за ним покойный дядя и поманит за собой в потаённые места, где царит мрак?..

Скорее уж он всю ночь не сомкнет глаз.

Так он туманился до самой ночи, до половины первого. Догорел и исчез закат, в чёрном окне бледно отражалась комната вместе с ним, а ему смерть как не хотелось ложиться, хотя сон уже начал подкрадываться, наливать веки... Наконец, он решился. А решился, так уж решился – поскорей разобрал постель, разделся и нырнул. Как в омут.

И вынырнул.

Всё незнакомо было здесь. Какие-то старые дворы, двухэтажные дома, деревянные бараки, покосившиеся заборы, выросшие в землю сараи – окраина.

Что он здесь делает, и вообще, как очутился на этих задворках, трущобах для люмпенов?..

Ответа не было.

Но НЕЧТО повлекло его куда-то вперед, по сумрачной улочке.

Николай стремился к какой-то неведомой цели.

Звук шагов громко отдавался по растрескавшемуся асфальту. Вот спереди показался чей-то силуэт. Николай нацелился на него, как гончая на дичь. Прибавил шаг. Вне всяких сомнений, он пытался догнать того человека.

Вскоре почти нагнал – теперь было ясно, что это мужчина. Незнакомец, облаченный в неестественно длинный плащ черного цвета, с капюшоном на голове – вот ведь чудак, дождя вроде как нет – размашисто шагал впереди. Он не гулял, не просто так – он явно шёл куда-то. Николай поднажал ещё.

Но вот странное дело: рядом с ТЕМ и поравняться никак не получалось, не говоря уж о том, чтобы опередить. Николай уже чуть было не перешел на бег, когда страшная догадка пронзила его.

Это же маньяк!

Каким-то образом молодой человек все же выследил его.

Тут же в голове прозвучал сигнал тревоги: ни в коем случае не следует обнаруживать себя. Необходимо аккуратно продолжить слежку!

Он представил себя одним из «топтунов» – профессионалов наружного наблюдения. Усмехнулся.

Что ж, так и поступим. Гордеев-шпик даже слегка приотстал, перейдя на легкий крадущийся шаг.

А зловещая фигура перед ним достигла переулка и свернула в него. Подойдя к повороту, преследователь осторожно выглянул из-за угла – объект там, идёт дальше.

Направился следом.

Казалось, незнакомец ни о чем не догадывается и совершенно не заботится о мерах предосторожности – до сих пор так ни разу и не обернулся... Что ж, это только на руку – не ахти какой из него «хвост», из Гордеева.

Неожиданно человек в черном плаще остановился возле крыльца облезлой пятиэтажки, глянул вверх и, отворив дверь, скрылся в темном нутре подъезда.

Николай растерялся: что делать? Ждать? Или войти следом и попытаться выяснить цель преследуемого?.. А если это ловушка? Он зайдет в подъезд и сразу получит заточкой под ребро. И поминай, как звали... Рискнуть – не рискнуть?!..

Нет, всё-таки риск – дело благородное.

Гордеев приблизился к парадному, взялся за ручку и осторожно потянул дверь на себя. Та открылась, явив «предбанник» и начало лестницы. Вроде никого.

Он вошел, осторожно прикрыл за собой обшарпанную дверь. Сделал шаг, другой – никто не собирался бросаться на него с ножом.

Крадучись вдоль стен, Николай принялся подниматься вверх, готовый в любой момент дать отпор внезапному на-

падению.

У почтовых ящиков – никого.

Второй этаж – никого.

Третий – никого.

Четвертый... стоп!

Дверь одной из квартир приоткрыта.

Сердце забилося пуще. Николай чувал опасность, исходящую из темной щели меж косяком и торцом двери. Маньяк там – сто пудов, что там.

Набрался решимости и – как в прорубь! – в квартиру.

Прихожая. Четыре двери. Полумрак. Изгиб коридора – на кухню и в ванную.

Николай сделал движение в ту сторону, и – тяжело громыхнуло в уши, словно враз ударила сотня колоколов.

Николай схватился за голову. Сволочь!..

Вот-вот лопнут сосуды и глаза повылезают из орбит. Не заметил, как осел, скорчился на полу. А невидимый звонарь-мучитель все бил и бил в колокола, не давая передышки ни себе, ни обезумевшему от этого адского шума Гордееву.

И тогда он не выдержал и закричал.

И проснулся – весь в холодном и липком поту.

На прикроватной тумбочке дребезжал старый будильник – круглый, с механическим заводом и большой кнопкой отбоя наверху. Пора вставать – семь утра.

Николай сел на диване, руки дрожали. Он шершаво облизнул сухие губы.

Весело живётся, нечего сказать...

Днем его вроде бы отпустило – за рабочей суетой образы сновидений не то чтобы потускнели... но как-то отошли на второй план. Да и знаков больше никаких не было. На небе ярко сияло весеннее солнце, заказов хватало на весь день – скучать некогда, работать надо, деньгу зашибать, пока есть возможность и здоровье.

Ну, и работал, крутил баранку – рубил «капусту». Как-то незаметно пролетел день – мелькнул бойкой серебряной рыбкой и ушел на вечернюю, а затем и на ночную глубину. А уж как ночь вступила в свои права... Опять двадцать пять.

Снова снился Николаю зловещий высокий силуэт, закутанный в черное, лица коего он никак не мог разглядеть. На сей раз неизвестный привел его напрямик к какой-то башне – доселе Гордеевым ни разу не виданной. Он проник за преследуемым внутрь и к своему удивлению обнаружил, что ступени винтовой лестницы ведут не вверх, а вниз.

В сердце похолодело у него, но он принялся спускаться по

подземному ходу, спиралью уходящему вниз и освещенному слабым светом настенных светильников. Шел долго, казалось, не меньше часа, и вот, наконец, Николай достиг самого нутра штольни – круглой площадки.

От неё в разные стороны горизонтально расходились коридоры. Пять.

Куда идти? В каком из них скрылся этот тип в черном?..

Гордеев, не долго думая, вошел в средний тоннель. Прошел метров двести и заметил сбоку, в стене, дверь. Осторожно приоткрыл ее, тенью просочился внутрь.

Помещение представляло собой огромных размеров зал с высоченным потолком. Прямо посередине возвышалась статуя какого-то существа – поначалу Николай решил, что это то ли обезьяна, то ли питекантроп из учебника по первобытной истории... Но приглядевшись, с удивлением и неприятным неким чувством обнаружил, что изваяние изображает человекоподобное существо, обросшее густой косматой шерстью, с небольшими рожками на голове и копытцами вместо ступней.

Бес какой-то. Черты лица искажены яростью. Кого-то он напоминал...

Ну, конечно же! – бога Пана. У Николая была книга – мифология Древней Греции, иллюстрированная фотографиями статуй и рисунков на сосудах. Было там изображено и это козлоподобное чудище.

Но на той иллюстрации лицо божка было спокойным и

кротким, даже лукавым, а здесь... Ненависть, какая-то первобытная жестокость сквозила в каждой черточке лица идола. От одного взгляда на эту застывшую маску злобной враждебности становилось не по себе, холод пробирал до самых печенок.

И тут он услышал шорох. Оглянулся, увидел низенькую дверь в дальнем углу помещения. Шум доносился оттуда.

Николай почуял след. Туда! Толкнул дверь, наклонился и нырнул.

Поднял голову – и обомлел.

На огромном кресте был распят человек – обнаженный и, судя по всему еще живой, так как судорога время от времени пробегала по его изможденному, покрытому пятнами засохшей крови телу. Крест медленно крутился вокруг своей оси, издавая тихий скрип. На плечах несчастного сидели два коршуна и терзали его плоть, с жадностью вырывая клювами кусочки мяса. Брызгала кровь. Коршуны урчали, как звери.

Мерзкие птицы оторвались от своей жертвы и с громким хлопаньем крыльев взлетели вверх. Николай бросился к распятому, чтобы попытаться снять того с орудия пыток и мучений. Подбежав к подножию креста, внезапно услышал шум позади. Обернулся и не мог поверить своим глазам – в комнату входил каменный идол. Страшилище жутко переступало негнушимися козлиными ногами, впериw в незваного гостя горящий ненавистью взгляд.

Николай похолодел и попятился от этого ужаса во плоти.

Мысли его всполошившимися куропатками заматались в голове. Отступать дальше некуда, путь вперед отрезал оживший идол. И с ним не справиться. Все, Коля! Пропал.

И тут распятый на кресте мученик издал пронзительный вопль, оглушительными раскатами пронесшийся под сводами зала. И демон вздрогнул.

Вернее, он не просто вздрогнул – он содрогнулся, и мерзкий лик его перекосялся в гримасе, совсем невыразимой никакими словами – чудище адски взревело и точно взорвалось изнутри.

Обломки разлетелись в стороны, один из них просвистел мимо молодого человека, взорвавшись в воздухе и пробарабанив по стенам помещения...

Николай пробудился, все еще не в силах понять, что отдававшее в ушах грохотание доносится с улицы. Наконец, понял, что за окном работает отбойный молоток дорожных ремонтников.

Он встал, прошёл в ванную, отвернул кран и долго, жадно пил, никак не мог напиться – так пересохло у него всё внутри. Оторвался тогда только, когда, показалось, вода вот-вот начнёт выливаться из утробы наружу. Тяжело выдохнул, утёр ладонью губы.

Ну, братцы, так дальше не пойдет! Нужно срочно что-то делать.

Специалистам каким показаться, что ли?... Вот именно!

Николай сразу же подумал о Марине и ухватился за эту мысль как за спасительную соломинку. Она же врач, должна знать, к кому лучше всего пойти с его странными проблемами.

Вот вам и повод для встречи. Сейчас же и пойти, и позвать о помощи! Где там эта двадцать девятая поликлиника?.. Ах, ну да, она же показывала.

Решив так, он скоренько оделся, выбежал из дома и – напрямиком в сторону серого пятиэтажного дома, на первом этаже которого размещалась районная поликлиника. И в регистратуре узнал, что педиатр Марина Строкина сегодня не работает.

Мысленно плюнул – надо было сразу к ней домой. Но кто бы знал!

«Ну, не беда, не беда», – пробормотал он и быстро зашагал к памятной пятиэтажке.

По пути он впервые заметил – день выдался что надо: залитые ярким солнечным светом улицы, непривычно веселые лица прохожих, птички щебечут, травка зеленеет... словом идиллия какая-то, а не надоевший городской пейзаж. Это оттого, что я к ней – подумал Николай, улыбнулся, тряхнул головой, но мысль не отлипла, оказалась крепкой.

Больше того! Чем ближе подходил Гордеев, тем сильнее волновался – как пацан, идущий на первое свидание. Это уж совсем казалось смешным, а вот поди-ка! Не мог он себя унять. Да честно говоря, и унимать не хотелось.

Сердце билось в груди часто и мелко. Николай целую минуту простоял перед дверью с номером 31. И неизвестно решился бы или нет, если бы этажом выше не лязгнула железная дверь. Он вздрогнул и нажал кнопку звонка.

Послышался приглушенный звук шагов и ее звонкий голос:

– Кто там?

Запнувшись, Николай назвалcя.

Вышло как-то глухо. Он прокашлялся и поспешил повторить громче. Но хозяйка уже щелкала замком и отворяла дверь. И вот отворила.

– Извини, что без предупреждения... – язык повернулся туго.

– Да ничего, – Марина улыбнулась.

Николай откашлялся ещё сильнее.

– Я это... г-мм! Извини. В общем, в прошлый раз я не догадался спросить телефон... В смысле твой номер телефона...

– Ну, что ты! Тебе я всегда рада, – девушка улыбнулась ярче. – Да что мы здесь стоим! Проходи.

Прошли. Николай стянул кроссовки и тут же проклял себя – дурак, напялил вчерашние носки! Правда, других и нету, но ведь прежде, чем идти... Ну, дурак, одним словом, что тут скажешь. Лапоть!

– Вот сюда, – приглашала Марина, – проходи, садись вот сюда, в кресло.

Николай от смущения стал ступать косолапо, ноги сами стыдливо поджimalись.

– Может, тебе шлёпанцы дать? – тактично догадалась хозяйка.

– Нет, нет! – так и вскинулся горе-визитёр, поспешно плюхнулся в кресло, ноги подогнул вниз.

Марина поплотнее запахла домашний халатик, присела на кресло напротив.

– Как жизнь? – поинтересовалась она светским тоном.

– Бьет ключом и все по голове, – неуклюже сострил он.

– А работа как?

– То же самое – верчусь, кручусь...

Чуть было не сорвалось – «как дерьмо в проруби», вовремя прикусил язык.

– Сейчас все завертелись, уже двенадцать лет вертятся, – философически вздохнула педиатр. – Не то, что в прежние времена!

– Это точно, – согласился гость.

Помолчали. Николаю показалось, что ещё одна, почти неуловимая, улыбка коснулась Марининых губ. Наверное, и в самом деле показалось, потому что в следующий миг эти розовые губы разомкнулись и вновь очень светски произнесли:

– Чаю?.. А может быть, кофе? Или сок? У меня есть апельсиновый.

– Спасибо, Мариша, ничего не надо. Знаешь, я ведь к тебе

по делу.

– Да? И что за дело?.. Впрочем, понимаю – кому-то нужен больничный... не тебе, ты ведь сам себе хозяин, кому-то из твоих знакомых. Угадала?

– Нет. Не угадала. Хотя в каком-то смысле... – он усмехнулся криво, – пожалуй, впору и больничный выписывать. Мне! Это не... словом, это связано с психикой.

– Вот как? – брови ее удивленно изогнулись.

Пока шел к ней, Николай пребывал в сомнениях – рассказать, или умолчать, просто спросить совета – к кому стоит обращаться в таких случаях... Но сейчас, в этой уютной, чисто прибранной комнате, решился – все начистоту.

И выложил, не упустив ни одной подробности.

– ...вот так, Марина. Хочешь верь, хочешь не верь, – теперь, когда всё было рассказано, ему вновь начало мерещиться, что это ужасный вздор. И он повторил: – Хочешь верь, хочешь нет... А я за что купил, как говорится, за то и продаю.

Эти последние слова были произнесены уныло – представилось, что сейчас в Маринином голосе зазвучит ирония.

Но ничего подобного не случилось.

Марина нахмурилась, покачала головой:

– Я верю, Коля, верю. И хорошо, что ты мне рассказал... Но здесь нужен специалист. Как я поняла, ты ни к кому ещё не обращался?

– Нет, – Николай чуть покраснел. Говорить о посещении

«Магикуса» он почему-то постеснялся.

– Та-ак... Ну что же, скорее всего тебе нужен не психиатр и даже не психотерапевт, а психоаналитик.

– Может, все это чепуха, – потупился Гордеев, – не стоит того, чтобы беспокоиться самому и беспокоить занятых людей...

– Нет, – девушка серьезно посмотрела на него. – Я не думаю. С психической сферой, Коля, не шутят.

– Да уж, – согласно кивнул он. Помолчал и осторожно добавил: – И потом... Что меня пугает – будто я и впрямь как-то связан с маньяком. Эти вот сны...

Она внимательно взглянула на гостя.

– Ну, это, как говорится, вряд ли... Но в любом случае, Коля, посоветоваться с профессионалом стоит. На здоровье – душевное и физическое – никаких денег не жалко.

– Это точно...

– Я знаю, к кому нужно обратиться – твой случай как раз по его части. Кстати и неподалёку...

Николай сразу же подумал о «Магикусе», но промолчал.

– Сейчас и позвоню, – добавила Марина, – попробую дозвониться до него.

Набрала номер, немного подождала – вероятно, на том конце провода подняли трубку, так как девушка обрадовано воскликнула:

– Александр Яковлевич? Добрый день, это – Марина Строкина. Да...

Значит, не «Магикус» – Николай почему-то ощутил облегчение от этого.

А Марина засмеялась – собеседник сказал что-то приятное.

– Да, да, Александр Яковлевич, вы, как всегда, кладёшь остроумия...

И немного поболтав для вежливости, изложила свою просьбу.

Николай слышал неразборчивый, но явно уверенный, хорошо поставленный баритон. Он заговорил побыстрее, и Марина ответила на несколько вопросов, все время поглядывая на Николая и улыбаясь. Во взглядах проскальзывало соучастие и... еще что-то личное, теплое, многообещающее.

Наконец, Марина положила трубку:

– Он примет тебя. По-моему заинтересовался твоим случаем – ты слышал, я вкратце описала симптомы.

– Когда?

– Сказал – в любое удобное для тебя время. Часы приёма... вот они.

Она написала на листке данные психоаналитика, его телефон, адрес и часы приема.

Николай взял листочек, покрутил в руках.

– Спасибо. В любое удобное, значит... Тогда завтра.

– Конечно. Откладывать не стоит.

– Вот и я о том же... Ну, наверное, не нужно говорить, как я тебе благодарен?

– Не нужно, я и так знаю. С тебя бутылка, – вдруг сказала она и озорно подмигнула.

– Чего именно? – охотно включился он в игру.

– Ну-у... – она чуть закатила глазки, – я, например, люблю белое полусухое. Хорошее, разумеется. Токайское, допустим. Да кстати, и от шампанского не откажусь.

– Заметано! – он лихо вскинул руку к виску.

Вот и повод посидеть вдвоем, провести вечер.

Они еще с полчаса поболтали. Марина все же сварила кофе. Постепенно Николай оттаивал, приводя в порядок раздерганные нервы. С ней рядом он чувствовал себя уверенно, как и должен ощущать себя мужчина рядом с очаровательной молодой женщиной. Которую он, кстати сказать, все еще любит. Или влюбился по новой?..

Наконец, он откланялся и побег по своим делам. Завтра его ожидала встреча со знатоком человеческих душ.

На работе он малость отвлекся. Сознательно решил отвлечься – смотрел на дорогу, крутил руль и ни о чём не думал. И время полетело быстро: оглянуться не успел, как пришёл вечер.

– Баста! – сказал Николай последнему клиенту, вернее, клиентке – деловитой, крашеной в блондинку тётке.

– В смысле? – не поняла та.

– В смысле – всё на сегодня, – Гордеев захлопнул задний борт и улыбнулся.

– Ну, в добрый час, – согласилась крашенная. – Ваши

деньги!

Николай небрежно сунул купюры в нагрудный карман, кивнул.

Время съело силы. Он почувствовал, как устал. Ладно, ехать не очень далеко, да можно проскочить окраинными улицами...

И через десять минут был у дома. Поставив машину, решил было сходить за пивом, но тут прямо на него выкатился сосед Василий.

– О-о, Колян!.. – возликовал он так, точно встретил невесть какого друга-брата. – Здорово!

– Привет, – Николай был сдержан.

Соседушкин торс обретался в линялой, стираной-перестираной рубаше, на ногах болтались те же чёрные трико. Дополняли костюм сандалии на босу ногу. И естественно, что тянуло от этого комплекта затхлым душком. Николай брезгливо отступил на шаг.

А беззубая Васина физия, просияв счастьем встречи, сделалась вдруг таинственно-серьёзной.

– Слыхал?

– Что?

– Трупняк опять. Прям рядом, вон там, – Вася ткнул большим пальцем через плечо, – в лесу.

– Вот как, – Николай постарался нахмуриться. – Всё то же?..

– А то, – Вася длинно сплюнул.

– А ты как узнал?

– Ха! Так тут такая колбаса была днём!.. Менты понаехали, журналюги с телевидения... ну, местные тут все слетелись...

– И ты в том числе?

– А я чё, рыжий? У меня и интервью эти козлы взяли, как у местного жителя! И ещё там, у бабки одной... Через час новости будут по ящику, увидишь!

– Ага... Ладно, глянем. Через час, говоришь?

– Ну. Я щас за пивом... Пойдешь?

Коля мгновенно передумал: пива хотелось, но роскошь человеческого общения с Василием – это уж слишком.

– Нет, – отказался он. – Я уж так... И так каждый день – пиво, пиво... Воздержусь.

– Как знаешь, – Вася зажал пальцем левую ноздрю и с чудовищной силой сморкнулся в кусты. – Дело хозяйское... – он отряхнул руку. – Ну, бывай!

– Счастливо, – Николай шагнул в подъезд.

Ну и конечно, поднимаясь в лифте, он ощутил, что пива ему охота так, как никогда ещё в жизни не хотелось. Николай выругал себя, но нутро не унялось. Он раздражённо открыл дверь, треснул ею с силой.

Попробовал было заняться ужином, но и ужин без пива как-то не хотел готовиться, всё из рук валилось. Гордеев аж плюнул с досады, но тут в коридоре за дверью зашебуршались, щёлкнул замок. Николай так и подскочил к дверному

глазку.

Точно! Вернулся Василий, нагруженный баллонами, рожа довольная. Он канул в глубь своей квартиры, а Николай, только тот заперся, в мгновение ока собрался и был таков.

Вернуться удалось тоже незаметно. Коля ужом проскользнул к себе, настроение у него сразу улучшилось, он с подъёмом принялся стряпать, а через полчаса комфортно расположился в кресле перед телевизором, с дымящимися в тарелке сосисками и картошкой, с успевшим в морозилке запотеть баллоном... Хорошо!

– Ну, приступим, – сказал он и крутанул крышку баллона. Тот тихо пшикнул. Николай налил пиво в стакан и включил телевизор.

Зазвучала тревожная музыка, побежали по экрану буквы и картинки – и тут же всё это прервалось, и возник ведущий, суровый и траурный.

– Здравствуйте, дорогие горожане, – сухо сказал он. – К сожалению, я вновь вынужден начать наш выпуск с трагической новости...

Николай прихлебнул пива, впился взглядом в экран.

Конечно, ничего подробно не показали. Юная корреспондентка взхлёб протараторила про то, что это очередное серийное убийство, что личность погибшего пока не установлена, но работа ведется... затем возник хмурый «следак» из прокуратуры, который лишь отмахнулся и буркнул, что у него нет комментариев, а затем и свидетель. Вернее, свиде-

тельница.

– ...так что вам удалось увидеть? – нагнулась репортёрша к низенькой старушке.

– Я утром встаю рано... – зашамкала та... Николай слушал её вполуха, рассеянно... но вдруг так и подскочил в кресле, точно ужаленный.

Бабулька говорила о нём!

– ...и я так это гляжу с балкона – идёт человек прямиком вон по той тропке в лес... долговязый такой, как каланча...

Камера показала тропинку. Николай похолодел.

– ...и идёт туда, и идёт... так и ушёл.

– Когда это было, вы говорите?

– Да часов в пять утра.

Ещё волна мурашек хлынула по спине Гордеева.

– А вы заметили, как он был одет?

– А то нет! – с достоинством чавкнула губами бабка. – Тут не захочешь, да заметишь – на голове то ли шляпа, то ли другое што, да плащ чёрный, длинный...

Николай облился холодом в третий раз.

Он ушам своим не поверил. Ведь бабка описывала... дя-дю!

Это так поразило его, что он прослушал, что там было дальше. Когда спохватился, уже всё закончилось. И тут вновь мысль ожгла: но ведь и маньяк из сна тоже так одет – плащ черный, долгополый с капюшоном, высокий сам...

Он машинально выпил залпом стакан пива. Так же маши-

нально наполнил его вновь. А мозг работал на полных оборотах. Если маньяк – дядя? Каким образом? Мертвый, с того света приходит и мочит людей?!.. Ну, уж!

Исключено! Дядя был чуть выше среднего роста. Да и плащ его умеренного размера, отнюдь не до пят. И потом... ну, не зомби же он, в самом деле, не оживший мертвец из ужасика...

Гордеев размышлял – с каждой минутой всё более вяло. А на душе, как ни странно, было спокойнее, нежели накануне. В этот день Николай впервые за последнее время укладывался на ночлег и не боялся предстоящих кошмаров. Его согревала надежда. Мудрый, как он полагал, психоаналитик и милая сердцу Марина – вот его ангелы-хранители, вот те духовные маяки, что ярко светят во тьме хаоса и безумия этого мира. Он уснул почти успокоенный.

И сон не замедлил явиться.

Он обнаружил себя внутри строения. Это была циклопических размеров башня – широкая, как... стадион, не меньше. Высотой с двадцатипятиэтажку. Николай находился в тоннеле, который – он знал это – спиралью постепенно снижался с самого верхнего яруса, где он сейчас стоял, и уходил глубоко вниз, в подземные этажи.

Он пошел вперед, двигаясь вдоль каменных стен без единого окна или двери. Тоннель был равномерно освещен искусственным каким-то, неживым светом. И тишина вокруг

такая, что звенело в ушах. Только его, Николая, шаги гулко отдавались под сводом.

Гордеев спускался все ниже, он знал, что цель его – на самом дне этого гигантского колодца-башни. И странно, никакой тревоги, опасений перед тем, что ждало его впереди, молодой человек не испытывал. Если он в своих снах и путешествовал по невиданным мирам, то это явно был не тот мир, в котором жил маньяк. Здесь Николай чувствовал себя в безопасности. Более того, он был уверен, что находится в священном месте. Откуда он знал это – неизвестно, но знал.

Пока двигался, заметил, что материал, из которого были сложены стены, все время менялся. Вначале это был шершавый песчаник, затем темный гранит, перешедший в гладкий блестящий мрамор. Наконец, очевидно, уже где-то ниже уровня земли, стены явили собой сплошное зеркало – из искрящегося черного стекла.

Ожидание встречи с чем-то таинственным и чудесным заставляло Гордеева убыстрять шаг. Он и убыстрял. И дыхание его стало чаще. По мере спуска волнение нарастало. Николай стремился вперед, вглубь, к неясной цели, где в завершении его ждало... Что?.. Свершение всех его мечтаний и грез, великая награда, чудо?!

Он не знал, ЧТО именно влечет его, что ждёт в конце пути. И не думал над этим. Лишь бы дойти поскорее. Дойти! Скорее! Дойти! Дойти!!..

И тоннель вдруг закончился.

Когда он увидел впереди стену и дверь в ней, он понял, что достиг своей неизвестной, но заветной цели. Дверь! Эта дверь была не простою – размером с ворота средневекового замка, она ярко-рубиновым пламенем полыхала в полумраке тупика. Лишь на короткий миг мелькнуло у Гордеева сомнение – как же он войдет в огненную дверь и не сгорит, в мгновение ока превратившись в пепел, – мелькнуло и пропало. Он ЗНАЛ, что сумеет пройти и остаться невредимым – пламя ему не преграда.

И его повлекло, притянуло магнитом к входу в Неизведанное. Николай уже сделал первый шаг, когда кто-то окликнул его по имени – раз, другой, третий. Он в изумлении принялся озираться и в следующее мгновение приметил проем в стене, в котором угадывались ведущие наверх ступени. Голос исходил оттуда. И Николай двинулся на зов...

На следующий день, в десять утра он уже шагал по улицам. В половине одиннадцатого ему было назначено у психоаналитика. Шел, а в голове неотвязно крутились картины виденного накануне сна. Он совершенно ясно и четко помнил все сновидение – от начала и до конца.

Помнил, как поднялся по вырубленным в стене ступеням и очутился в огромном зале, где на пьедестале высился трон, а на троне восседал глубокий старец. Прекрасно помнил, как каким-то шестым чувством понял, что это не человек, но некое высшее существо, принявшее облик старца... Существо было невероятно мудрым и могущественным – это он тоже осознал интуитивно.

Старый мудрец взирал на него сверху безмятежно-беспристрастным взглядом. И Николай заробел, затаил дыхание и застыл в нерешимости.

– Ты долго шел ко мне, – негромко донеслось с пьедестала. Гордеев затрепетал.

– Н...нет, кажется, не больше часа? – осмелился подать голос он.

– Я говорю не о твоём спуске в Нижний мир, – усмехнулся собеседник, – ты прожил четверть земного века в Среднем мире и лишь сейчас нашел меня.

Николай неуверенно шевельнул плечом – мол, долго так

долго, что ж тут поделаешь.

– Догадываешься, кто я такой?.. – старец подался вперед.

В сознании Николая вспыхнули слова гадалки: «Вам необходимо найти Учителя – любого, хоть здесь, хоть оттуда».

– Учитель... – хрипло вымолвил он.

Старец удовлетворено откинулся на высокую спинку трона.

– Ты хотел проникнуть в Сердце Астрала?! – мудрец впери в него суровый взор. – Но готов ли ты войти во Врата? Окрепла ли твоя душа в ЭТОМ воплощении, в ЭТОЙ твоей жизни?..

– Я... не знаю... – растерянно проговорил тот.

– Ты как неразумное дитя – обладая спичками, играешь с огнем. Знаешь ли ты – кем был в былых перерождениях, и какими силами владеешь, сам не ведая того?..

Николай потупился, ощутив себя жалким сопляком, дерзнувшим замахнуться на недоступные и неподвластные ему святыни.

– Ты должен многому научиться, человек по имени Николай Григорьевич Гордеев, – голос Учителя смягчился, – и я помогу тебе в этом. А чтобы ты понял, куда тебя понесло любопытство, я приоткрою завесу над тайной. Смотри же...

С этими словами он взмахнул рукой, и перед ошеломленным Гордеевым возникло нечто типа огромного экрана.

Николай воззрился на открывшуюся перед ним картину.

Экран просиял бирюзовым светом. Словно разверзлись стены, недра земли и небеса, явив изумленному взору грандиозное зрелище.

Перед ним разворачивались события поистине вселенских масштабов. Закручивались в спирали галактики, вспыхивали и угасали звезды, рождались бесчисленные сонмы планет, возникала на них жизнь в самых причудливых формах – органическая, плазменная, лучистая. И везде присутствовал РАЗУМ и ДУХ.

– Это то, что сокрыто за Вратами, – произнес спокойно старец, – то, к чему неосознанно стремишься ты. В самом Сердце Астрала находится Сила, и эта Сила способна творить миры – как это только что видел ты...

Видение исчезло.

– ...Овладев этой Силой, ты станешь подобным Творцу, но... достоин ли ты этой чести, справишься ли с теми возможностями, что дает Сила, и вынесешь ли тяжкое бремя ответственности за развертывание Вселенной?!

Николай проглотил застрявший в горле ком и прошептал:

– Я не готов...

Какое-то время Учитель пристально разглядывал его, затем благосклонно кивнул:

– Ты оказался умнее, чем я предполагал. Вскоре начнется твое духовное обучение. И ты сам всё поймёшь, узнаешь всё. Я буду ждать тебя. А теперь ступай, возвращайся в свой мир. И ничего не бойся.

Гордеев развернулся, сделал шаг и полетел в пустоту. Время пропало. А затем вернулось – в дядиной квартире. Это было обычное время, оно потекло обычным своим чередом – рассвет, утро, шум города... И вот теперь Николай шёл на приём и помнил всё.

Нужный адрес он нашел сразу, будто его вели.

Николай вошел в здание, следуя указаниям, поднялся на второй этаж. Отыскал искомую дверь, вошел и очутился в просторной приемной. Из-за ультрамодернового стола с компьютером и ЖК-дисплеем ему улыбнулась очаровательная секретарша.

– Вам назначено? – ласково поинтересовалась она.

Голос мягкий, чарующий, от такого мужские сердца тают, как эскимо. Психологи! – сразу видно.

– Да. Александр Яковлевич вчера назначил по телефону встречу – на десять тридцать.

– Замечательно, присаживайтесь... Простите, как ваша фамилия?

– Ах, да, извините, я не представился. Гордеев Николай Григорьевич.

– Минуточку...

Красотка поднялась, демонстрируя безупречно красивые ноги, прошла в кабинет аналитика.

Гордеев огляделся. Стены покрыты дорогой краской светлых, не утомляющих глаз тонов. Повсюду картины – и не де-

шевки-копии, а настоящие холст и масло, пейзажи с разнообразными видами природы – чувствовалась кисть опытного и талантливого художника.

Утопая в мягком кресле, он попытался расслабиться. Увы, не удалось – он слишком много ждал от предстоящей встречи. Сегодня выяснится – сможет ему чем-то помочь ку-десник от психоанализа, или же безумие зловещих сновидений и реальности дня будет засасывать его все дальше в тряси-ну страха и умопомешательства?! Глядишь, так недалеко и до появления Недотыкомки.

Но и без этого у него оставалась одна путеводная звезда, а то и две кряду – Марина и странный гость из последнего сна – Учитель с астрального или какого там еще плана.

Появилась секретарша, сказала, что он может пройти.

Николай отворил дверь с табличкой: «Пинский Александр Яковлевич. Врач-психоаналитик», и с замершим серд-цем вошел в кабинет эскулапа. Успел мельком осмотреться: стены покрыты роскошными обоями – шелкография, паль-мы и прочие экзотические растения в кадках, удобная с виду кушетка, рабочий стол целителя, пара кресел, еще какие-то предметы обстановки.

И навстречу шагнул Пинский. Мужчина лет сорока пя-ти, подтянутый, атлетического сложения, с загорелым глад-ко выбритым лицом – он сразу же понравился новоявленно-му пациенту. Открытый взгляд зеленовато-карих глаз, в ме-ру короткая стрижка, доброжелательная улыбка, крепкое ру-

копозатие – все в нем импонировало Николаю.

Признаться, он был несколько озадачен – в положительном смысле, ожидал увидеть перед собой такого чудачковатого пожилого фаната от науки, малохольного очкарика – а его встретил типичный преуспевающий бизнесмен.

После того, как познакомились, завязалась неторопливая беседа. Говорил в основном Николай, рассказывая о своих проблемах, аналитик же по ходу задавал наводящие вопросы, внимательно слушая пациента и поощрительно кивая. Сам не зная почему, Гордеев умолчал лишь о встрече с Учителем.

– Очень интересный случай, – подытожил исповедь клиента Пинский, – я с удовольствием проведу с вами сеансы анализа – столько сессий, сколько потребуется, чтобы прояснить ситуацию и отреагировать ваши проблемы.

– И вот что еще, – добавил он после непродолжительной паузы, – как вы сами понимаете, Николай, консультации и лечение у дипломированного психоаналитика – а таковым в нашем городе является лишь ваш покорный слуга – обходятся весьма недешево. Вам это влетит в копеечку. Поэтому сделаем так: я возьму с вас плату лишь за первые два посещения, а впоследствии будем встречаться на добровольных началах – вы находите время и посещаете меня, я же не беру с вас денег за свое умение. Идет?..

– Я... мне как-то неловко, – смутился Николай, – вы ведь будете тратить на меня свое время, и вообще...

– Ну, своим временем я распоряжаюсь сам. Почему я так поступаю – вы об этом хотели спросить, не так ли?

Николай утвердительно кивнул.

– Дело в том, – усмехнулся психоаналитик, – что работа психоаналитика достаточно скучна. Рутинка! Комплексы, неврозы, семейные проблемы... Интересные случаи встречаются один на тысячу.

Николай ухмыльнулся. А Пинский негромко рассмеялся:

– Именно, именно! Я подозреваю у вас незаурядные способности. Можно называть их парапсихическими, если вам угодно. Хотя, что там подозреваю! Я уверен в этом.

Он на мгновение смолк, затем продолжил:

– В свое время Фрейд очень живо интересовался этим. Он даже обследовал небезызвестного Вольфа Мессинга... Простите, вы слышали о таком?

– Краем уха, – скупомолвил Николай.

– Да, – Пинский кивнул. – Тот был еще мальчишкой, но его таланты уже тогда проявлялись... Я вас не утомил? – неожиданно спросил он.

– Да нет, – Гордеев шевельнул бровью. – Интересно... Вы полагаете, что эти мои сны тоже что-то типа экстрасенсорных проявлений?

– Весьма похоже, – согласился аналитик, – и потом эта сюжетная линия о маньяке... она ведь прослеживается в нескольких снах. Ваше первое странное сновидение – некий акт ясновидения. Вы увидели во сне картинку случившейся

трагедии, и все подтвердилось в реальности.

– Да, так оно и было, – нахмурился Николай, – но мне что-то от этого не слишком весело... То ли впрямь открываются какие-то сверхъестественные силы, то ли крыша тихо едет.

– А вот это мы с вами и постараемся выяснить, – уверенно заявил Пинский. И добавил: – Если вы не против, то можно попробовать провести сеанс гипнотерапии уже сейчас.

– Давайте, – Николай кивнул.

Врач встал, прошелся по комнате.

– Сразу хочу пояснить, что гипноз, как правило, в классическом психоанализе не используется. Но в исключительных случаях...

Он не договорил, выразительно глянул на Гордеева, а тот вновь кивнул:

– Понимаю. Даже как-то льстит, что случай исключительный...

– Да, – круто повернулся на паркете Пинский. – Для того чтобы уяснить причину психического конфликта, как радикальное средство может быть использован гипноз. Другое дело, что в целях отреагирования психотравм и комплексов необходимо сознательное участие пациента – то есть осознание им самим источников и причин своих проблем. Понимаете?

– Подождите, подождите... – протянул несколько сбитый с толку Николай, – но я не знаю – поддаюсь ли я гипнозу?

– Ну, это не проблема. Если вы медиумическая личность –

а это, безусловно, так! – то должны быть подвластны любому внушению. Существует несколько гипнотических техник – от мягкой до грубой. Начнем с самой мягкой...

Аналитик попросил Николая пересесть на кушетку, устроиться поудобней и максимально расслабиться. Сам он расположился на стуле, сбоку от пациента, возле стола. Щелкнул выключателем, закрепленным под столешницей, напротив молодого человека загорелся прибор – нечто типа лампы-рефлектора, стилизованной под маяк. В центре ее располагался освещенный ярким светом кристалл – так Николаю показалось.

Кристалл этот испускал множество узких лучиков. Он начал медленно вращаться, постепенно набирая скорость. Блики света замелькали перед глазами Гордеева, завораживая своей причудливой игрой...

– Смотрите прямо на источник света, – раздался мягкий голос Пинского.

Вскоре Николай почувствовал, что его сознание как бы размягчается, растекается по всей комнате, где центром был магический, излучающий яркие разноцветные сполохи кристалл. Разум погружался в вязкое дремотное состояние, и сквозь пелену тумана до слуха доносились несущие необъяснимую негу слова аналитика.

– Вы полностью расслаблены... все тело расслаблено... и сознание расслаблено... и мысли медленно утекают... и они утекли... и мозг пустой... и разум чистый... и вы возвраща-

етесь назад... и видите сон...

Пинский умело подводил своего пациента к тому моменту, когда тот увидел свой последний сон, связанный с присутствием зловещего персонажа.

– А теперь я буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать на них – подробно и четко, – голос психоаналитика окреп, стал твердым, в нем появились повелительные интонации.

Николай не ответил.

Он плыл в волнах чудесного моря. Вокруг резвились диковинные рыбы, над головой проносились яркие, с красочным оперением птицы. Внезапно он нырнул и легко, играючи устремился в глубину. Он дышал, у него выросли жабры – он превратился в человекорыбу.

И когда он достиг дна, то увидел глубокую расселину, темнеющую в подводной скале. Громopodobный голос приказал ему нырнуть в эту пещеру, и он повиновался. И... очутился в той самой водонапорной башне, куда в позапрошлом сне проник маньяк.

– Вы следуете за ним, – настойчиво требовал психоаналитик, – не отстаете ни на шаг.

Николай достиг той самой комнаты с ожившим монстром, но прошел мимо.

– Где вы?

– Я... иду по тоннелю дальше... – глухо произнес находящийся под гипнозом пациент.

– Что вы видите?

– Впереди шагает человек... Это – маньяк...

– Идите за ним, не отставайте. Где вы сейчас?

– Маньяк... он скрылся за поворотом... Я там, но его не видно... Я потерял его из виду... Я не знаю, что делать...

– Возвращайтесь, – властно потребовал врач, – и перейдите в другой сон – предыдущий.

Переход из сна в сон совершился легко, точно телевизор переключили на другую программу.

Николай стоял перед дверью квартиры, в которой скрылся маньяк.

– Идите в квартиру...

– Я внутри... Дальше не могу...

– Почему не можете?..

– Меня не пускают... Колокола... они бьют в колокола...

Они разрывают мой ум на части... я не могу... мне плохо!..

– Уходите! Немедленно выбирайтесь оттуда!..

Николай проснулся от стука. Господи! Это же покойный дядя пришел за ним!..

– Где вы?! Что вы видите?..

– На полянке... Я боюсь смотреть...

– Чего вы боитесь?

– Я знаю, догадываюсь – там труп.

– Чей труп?

– Жертва маньяка... Это девятая жертва убийцы...

– Почему девятая? До этого их было семь!

– Восьмая жертва неизвестна... Она была... Я слышу музыку... Музыка связана с маньяком...

– Каким образом? Что за музыка?!

– Тихая, печальная мелодия... Трагичная, унылая... Она – индикатор... Маньяк не знает о сигналах...

– Что за сигналы?

– Музыка... Я боюсь...

– Где вы?

– Я стою перед сундуком... Там часы... и музыка...

– Музыка в сундуке?

– Да... нет... в часах...

Гордеев смолк, крепко зажмурившись. По его лицу пробежала гримаса страдания, он задышал часто и глубоко, на лбу выступила испарина.

Внимательно наблюдавший за ним аналитик решил, что для первого раза достаточно.

– Внимание! Сейчас я буду считать до пяти. На счет пять вы вернетесь и откроете глаза. Вы полностью проснетесь и забудете обо всех тревожных воспоминаниях... Раз, два...

Гордеев очнулся, жмурясь, ословело озираясь. Не сразу понял, что с ним. Наконец, вспомнил.

– Я спал? – обратился он к Пинскому.

– Вы находились под воздействием гипноза.

– Ах, да! Ну и как? Что-нибудь удалось выяснить?

– Кое-что... – уклончиво ответил тот, затем, поколебав-

шись, пересказал ему результаты сеанса.

– Часы? – удивился Николай. – Я действительно обнаружил в дядине сундуке карманные часы – старый брегет...

Он поведал аналитику о странном циферблате с тридцатью делениями.

– Часы, музыка, маньяк... – задумчиво перечислил Николай, – ничего не понятно. И потом, эта путаница с жертвами – их ведь на сегодняшний день восемь, а не девять.

– ИЗВЕСТНО о восьми, – поправил его врач, – возможно, существует еще один труп, который пока не обнаружен.

Поговорили еще немного, обсудили странные реплики Гордеева во время погружения в гипнотическое состояние. Затем договорились о следующей встрече – на послезавтра, после чего Николай откланялся.

Вернувшись домой, он первым делом устремился к комоду, достал из верхнего ящик часы. Открыл крышку и не поверил своим глазам – стрелка, ранее стоявшая на восьми часах, застыла напротив цифры девять.

Девять убийств! Девятая жертва.

Голова пошла кругом.

На неверных ногах Николай добрался до кресла и рухнул в него. Ошеломленно посмотрел на брегет – часы безмолвствовали.

– Мать честная... – только и вымолвил он. И чуть позже: – Ну, дядя, спасибо... Удружил наследством.

После обеда поступил заказ – нужно было отвезти керамзитобетонные блоки с минизавода за городом на дачу одному мужику. Отвез, разгрузился, получил бабки и отправился домой – без особых эмоций. Всю дорогу мысли вертелись вокруг снов, убийств, самодвижущейся часовой стрелки на брегете. Все эти таинственные странности так загрузили его, что он и думать забыл об Учителе и возможности стать неким сверхчеловеком. Маньяк крутился где-то рядом, и он был реален, как рулевое колесо в руках Николая. Вся надежда на психоаналитика...

В эту ночь он почивал без сновидений. И лишь под утро в его спящее сознание вкралась музыка – заунывно-протяжная, нагоняющая тоску – она звучала как будто издалека. Он слышал ее сквозь полудрему и, когда она стихла, вновь погрузился в сон.

С утра душа его устремилась к Марине. К черту все эти тоскливые заморочки! Надоело.

Зная теперь ее домашний номер, он позвонил, но трубку никто не брал. Быстро собрался и отправился в поликлинику.

Но отвлечься от «заморочек» не удалось. Он шел, не торопясь, и думал. Надо было разобраться в себе... вернее, в том, что буйно захлестнуло его душу в эти дни. Так много всего! Есть отчего пойти кругом голове, но нельзя, никак нельзя позволить ей подобную роскошь – ходить кругом. Она должна работать.

И работала. Николай, сам того не замечая, сейчас мыслил по всем правилам логики.

Сперва он занялся анализом. Итак – сказал себе – давай-ка, друг мой Колька, попытаемся вычленить важнейшие факторы, взбаламутившие мою жизнь... Что попервоначалу? Во-первых, конечно, маньяк. Ясно, что в окрестностях завелся серийный убийца, и что он, Николай, каким-то таинственным образом связан... ну нет, не связан, пожалуй. Скажем так: он необъяснимо чувствует присутствие маньяка рядом. И это, очевидно, некое особое свойство Николая Гордеева – то ли дар, то ли проклятье...

Так, ну хорошо. С этим пока довольно. Что у нас даль-

ше? А далее у нас Учитель – великий и ужасный... Шучу, шучу. Не ужасный, но великий. Этот мой дар – он видно, и вправду не пустяк, раз привлек внимание могущественной силы. Что это за сила – похоже, гадать пока не имеет смысла. Есть предчувствие, что сила эта добрая... Но стоит ли верить предчувствиям?!..

Ладно, решил он чуть погодя. Будем считать, что не ото зла. И тогда получается следующее: странный, загадочный, самому ему еще непонятный дар Николая представляет нешуточный, крайне серьезный интерес для этой силы – в том числе и в качестве противодействия таким вот явлениям, как маньяки-убийцы, в свою очередь которые, судя по всему, представляют собой вместилище для нечистых духов... И этот дар, видно, наследственный! Дядя – он что-то знал, кое-что нащупывал; в меньшей, вероятно, степени, но что-то у него было, это уж как пить дать. Вот часы эти чертовы!.. Ну, да хрен с ними, тут тоже голову ломать пока без толку. Покамест вырисовывается: дядя работал со скрытыми сверхъестественными сущностями, но вслепую, наугад. А вот ему, Николаю свет Григорьевичу, надо думать, дано побольше, а значит, более и спросится... Он должен выявить и одолеть маньяка!

Некоторое время Гордеев осваивался с новой для себя мыслью, точно бы павшей откуда-то сверху, неожиданно для него. Но чем дальше, тем яснее ему становилось, что так оно и есть. Все складывалось к тому: его прирожденные способ-

ности, на которые ему твердо и однозначно было указано Учителем, и которые, очевидно, могут быть усилены работой с психоаналитиком... Разве не так?

Николай даже остановился. Мысль так захватила его, что он не замечал окружающего. Стоял на довольно людном месте, руки в карманах, взор строгий, устремленный под ноги... Простоял несколько секунд, затем резко вскинул голову, пришел в себя.

Да! Все к тому. Ну, там посмотрим, конечно... А сейчас – тьфу на это все, идем к Марине!

Гордеев сразу повеселел. Вот надо же – в противовес всем напряжениям выпал и фарт! Счастье ли это? Сказать сложно, но, во всяком случае, как вспомнишь, на душе становится светло.

Вот и сейчас просветлело. Николай прибавил шагу, да и идти-то оставалось чуть – вон она, поликлиника.

Николай там ориентировался уже уверенно, не топтался возле регистратуры, а напрямик попер по длинному коридору к кабинету педиатра.

Возле него, понятное дело, оказалась уйма народу: мамы со своими чадами, бабушки с внуками... На Николая все как один уставились с подозрением: а за каким таким делом взрослому мужику понадобился детский врач? Но Гордеев в этой жизни щи лаптем не хлебал, с каменным лицом миновал пациентов, стукнул в дверь, и, не дожидаясь отчета, отворил.

– Марина Владимировна! – обратился он громко и официально. – Вы меня звали?

Марина взглянула нахмуренно: кто это, мол, там ввалился?.. Девушка была занята малышом лет пяти, тут же торчала и родительница. Однако, увидев, кто на пороге, докторша просветлела.

– Ах, да, – молвила она так же суховато, но в глубине глаз мелькнула озорная искорка. – Сейчас мне некогда... Знаете что, не могли бы вы к концу рабочего дня подойти, скажем, к семнадцати часам?

– Хорошо, Марина Владимировна, – ответил он ей лукавым взглядом. – Я буду.

Захлопнул дверь.

– Все! – объявил он очереди, чтоб не сомневались. – Порядок!

И твердым шагом пошел на выход.

Только ступил на крыльцо, как его застиг звонок мобильного. Тамара Михайловна, мать ее яти!

– Коля, – затарахтела она, – заказик есть – хороший!..

Сообщила подробности – вроде бы и в самом деле заказ неплохой, и Николай согласился. Времени еще навалом, а деньги карман не тянут. Быстро дошел до дому, прыгнул в машину и поехал.

За время своей работы он выучил город едва ли не до каждого дома; по крайней мере, никаким редкостным названием улицы в тупик его нельзя было поставить. Вот и на этот раз

адрес был назван экзотический: улица Заозерная – и Гордеев ничуть не удивился. Он прекрасно знал, где эта улица, и почему она Заозерная, хотя озера там никакого визуально не наблюдалось. Но оно было! Существовало когда-то, в незапамятные времена, а как поселились там люди, стало стремительно превращаться в болото. Так и превратилось, да еще после революции большевики, которых свербил бес всемогущества, желание покорить природу, преобразовать ее – решили засыпать окончательно болото и взгромоздить на его месте какой-то свой коммунистический вздор. Конечно, из этих бредней ни хрена не вышло; то есть засыпать-то засыпали, а вслед за тем – ни тпру, ни ну, строить, конечно, нечего было и думать. Потом, при Сталине, из покорителей вселенной дурь вышибли навсегда, и на веки вечные осталась на городской окраине сырая, топкая луговина, с беспорядком дикой, неряшливой и сумрачной травы, где ноги с хлюпаньем проваливались по щиколотку в грязь...

Сама же улица Заозерная, огибавшая прежнее болото по периметру, была не мощеная, пыльная, старые дома и заборы на ней смотрели угрюмо. Были здесь и еще какие-то приземистые, грубые сооружения неопрятного вида – то ли базы, то ли склады. Возле одного такого, сверившись по бумажке, Николай и притормозил. Стоп! Приехали.

Дом № 17 оказался полукруглым металлическим ангаром за оградой из бетонных плит. Николай побродил кругом немного, нашел ворота, взялся за ручку...

– Это вы водитель?

Гордеев резко обернулся на бесстрастный голос сзади.

– Верно. Заказывали? – шагнул на встречу коренастому невзрачному мужичку.

– Пойдемте, – вымолвил тот, открыл ворота и зашагал вглубь территории, не оглядываясь.

«Неприветливы здешние аборигены», – решил про себя Николай, но лишь пожал плечами и двинулся следом.

Коренастый толкнул ворота ангара и канул в нем. Николай остановился. «Какого черта, – сказал себе, – надо будет, сами выйдут...».

Они и вправду вышли, очень скоро, почти сразу, раздвинули обе створки ворот. Несколько хмурых типов, в грязных робах и комбинезонах.

Николаю велели подождать машину поближе. Без лишних экивоков он так и сделал. Подъехал, вышел, опустил задний борт. Работяги тем временем подтащили откуда-то из темной глубины склада два здоровенных деревянных ящика. И видно было, что они тяжелые – пролетарии с натугой приподняли их, кое-как втокнули в машину. Задние рессоры заметно просели.

– Закрывай, – скомандовал водителю коренастый – бывший кем-то вроде бригадира или начсклада.

Николай застегнул обратно задний борт.

– Все? – спросил он на всякий случай бригадира. Тот кивнул.

– Ладненько. Куда едем?

– Я покажу, – глухо ответил клиент.

Гордеев иронически вскинул бровь:

– Э, нет, командир! Так дело не пойдет. Незнамо куда я не поеду. Так не договаривались!

Заказчик посмотрел водителю в лицо.

– Хорошо, – согласился он. – Едем по адресу: Шерстомойная, восемь.

Николай чуть не поперхнулся. Шерстомойная! Это едва в трех километрах отсюда – пять минут езды не спеша. На всякий случай он даже переспросил адрес, на что получил утвердительный односложный ответ.

– А... – молодой человек запнулся, – как насчет оплаты? Мне диспетчер сказала...

Он выжидающе примолк.

– Пятьсот, – без эмоций промолвил бригадир.

– Ага, – изрек Николай.

– Вас это не устраивает?

– Да нет. Все путем.

И чуть не вырвалось, что это напротив непомерно много – за пять минут двухчасовую оплату – но он вовремя прикусил язык. Вопросов нет, отвезем: хозяин – барин! Нравится ему платить полштуки за пятиминутную поездку на «Газели» – и ради Бога, кто ж ему запрещает...

Кроме коренастого «бугра» в кабину подсел второй, смиренный по виду очкарик. Это вообще как воды в рот набрал;

да, собственно, и первый, пока ехали, ни слова не проронил. Тряслись оба на сиденьях, насупленные, как сычи.

Николаю, впрочем, на все это было ровным счетом наплевать, пусть хоть харакири себе делают. Его дело простое: загрузить, привезти, сгрузить. Тем паче, что процесс краткий, короче не бывает.

Шерстомойная улица – такая же окраинная, что и Заозерная, вся в лопухах и зарослях разных кустов. Что-то знакомое почудилось ему в этом пейзаже – может, какие-то отголоски детских впечатлений?.. Или был он тут недавно – да вроде не припоминается. Черт его знает!

Вот искомый адрес – дом номер восемь – старинное добротное строение, на цокольном кирпичном полуподвале, с потемневшей от времени плотной, солидной дощатой обшивкой стен, под железной крышей: частное владение.

Очкарик и коренастый так же молча выбрались из машины, гуськом проследовали в калитку, а куда дальше – Николай не видел. Через несколько минут закрипели ворота, потянулись внутрь... Вышел неразговорчивый бригадир, призывно махнул рукой: заезжай.

Гордеев развернулся, задом сдал во двор. Там уже наблюдались точь-в-точь такие же замызганные личности, что и на складе – у молодого человека даже мелькнуло: а не те ли самые?.. Но он тут же с досадой прогнал нелепую мысль.

Личности с усилием вытащили ящики из кузова и поволокли в дом – куда-то вниз, надо думать, в подвал. Николай

повернулся к коренастому:

– Ну что, хозяин? Полный расчет?

Приземистый указал пальцем на очкарика:

– Он заплатит.

Тот безгласно полез в нагрудный карман, вынул пятисотку.

– Премного благодарен, – кивнул Гордеев.

Слава Богу, отделался! Он быстренько залез в кабину, дал газу и был таков. Напоследок огляделся по сторонам. Что-то все же засело в памяти – какая-то заноза, свербит, а толком не поймешь, откуда взялась? Может, это, как его – дежавю?..

Выехав с Шерстомойной на перпендикулярный проулок, он остановился посмотреть время на телефоном табло – и в этот миг телефон сам зазвонил.

Городской номер. Незнакомый, но судя по первым цифрам, откуда-то с их района. Сердце Николая радостно екнуло.

– Да! – торопливо воскликнул он.

– Коля, это я, Марина, – возвестила трубка.

Николай сам от себя не ожидал такого – точно теплая волна разлилась по всему телу.

– Да... – повторил сипло и закашлялся.

– Что с тобой? – тут же встревожилась девушка.

Николай уже оправился. Улыбнулся.

– Нет, ничего. Так в горле что-то...

– Слушай, Коля, – заспешила она, – я вот по какому пово-

ду. Ты не мог бы... ну, словом, если ты хотел со мной встретиться, то лучше не на работу, а сразу домой... если сможешь...

Гордеев улыбнулся еще шире.

– Понял вас, мисс. Смогу. Конечно. Когда прикажете?

– Так... Ну, давай, так же в семь.

– В девятнадцать ноль-ноль буду у вас как штык, – с пафосом заявил он и чуть не прыснул, подумав о неприличной аналогии со штыком. – Прилечу к голубке сизокрылой. Тогда до встречи?

– До встречи! – она рассмеялась. – Жду!

Николай нажал кнопку отбоя и долго сидел, заглушив двигатель. Улыбался, поглаживал щеку костяшками пальцев с зажатым в руке мобильником.

– Побриться надо, – наконец, вымолвил он, глянул в боковое зеркальце и подмигнул себе. – Чтоб все в ажуре!

И поехал домой.

Ехал неспешно, никого не обгонял, насвистывал разные лирические мотивчики. Настрой души у него установился такой безмятежный, подстать дню: солнечному, но не жаркому, с переплывающими через синее небо облачками, с легким, почти летним ветерком...

Идиллия эта начисто вымела из Гордеева всякие тревоги и напряжения. И никакой опасной жути не ощущал он ни возле дома, ни в подъезде, ни в квартире, куда вошел, чувствуя себя уставшим... Поскорее разделся и бухнулся на диван.

Блаженство! Дома было тихо, в меру тепло, уютно даже. Николай расслабился, закрыл глаза. Чуть придремнул. Затем энергично вскочил, встряхнулся и потопал на кухню готовить обед.

Поставив кастрюлю с супом на огонь, он воротился в комнату, взял дядины часы и задумался над ними. Но так ничего и не выдумал. Стрелка стояла на десяти, никакого тиканья не слышать. Стоп!.. Как это на десяти – давеча он проверял, она показывала девять. Когда же это успела?!.. Нет, я не буду заморачиваться. Оставим загадки на потом – сегодня у меня праздник.

Николай постоял-постоял, подержал злокозненный предмет в руке, пожал плечами и отправился на кухню. Сел за стол и стал смотреть в окно.

Почему-то есть расхотелось. Но надо было. И так питался нерегулярно. Поэтому он отчерпнул себе полную глубокую тарелку, отрезал хлеба и принялся усердно наворачивать, стараясь ни о чем не думать – для лучшего усвоения калорий.

Думать не думалось, но на душе по-прежнему было хорошо, этаким расплывчатым фоном. Николаю хотелось, чтобы это состояние длилось и длилось... и оно так и было, не пропало, не растворилось в изменчивом времени нашего мира.

В половине седьмого Гордеев, чистый, прифранченный, шагал по направлению к Марининому дому. Предварительно, разумеется, зашел в супермаркет. Довольно долго и при-

дирчиво выбирал вино, но выбор сделал самый банальный: полусладкое шампанское «Абрау-Дюрсо», купил также коробку конфет «Пиковая дама» – название вдохновило.

Ну, кажется, вполне светский набор. Николай остался доволен собой. Вышел из магазина, и тут его как громом поразило.

Цветы! Он же совсем забыл про цветы!.. То есть не то, что забыл, а ему это просто в голову не пришло. Ну – дурак, что тут скажешь. Лопух!

Да, но где же теперь их взять?! Николай метнулся обратно в магазин.

– Девушка! – воззвал он к симпатичной кассирше, перебив покупателей. – Девушка, извините, я на секунду!.. Вы не знаете, где тут поблизости...

Оказалось, что как раз неподалеку есть и цветочный павильончик. Николай возликовал, рассыпался в благодарностях и помчался по указанному адресу. Время поджимало!

Когда он влетел в магазинчик, было уже без четверти семь, но ему повезло: в продаже имелись приличные и недорогие розы, алые как паруса из книжки Грина. Красная роза – эмблема любви! – вспомнил не к месту Гордеев и едва не рассмеялся вслух.

Он быстренько выбрал три цветка, попросил упаковать их пофорсистее, что продавщица и сделала, ловко орудуя ножницами и подарочной оберткой. По блестящим ленточкам, опоясывающим покупку, она с силой провела лезвием нож-

ниц, отчего ленточки закудрявились пижонскими завитушками, и весь букет стал похож на цветущий куст... Покупатель был очень доволен. Расплатился, осторожно взял букет в правую руку, левой неловко обхватил бутылку с конфетами и в таком виде поспешил к подруге.

По времени он оказался пунктуален, однако не учел одного досадного обстоятельства: обе скамейки у подъезда густо облепили местные старушки, зорко наблюдавшие, кто к кому идет.

Естественно, приход столь нарядного кавалера не мог не вызвать прямо-таки взрыва мыслительной деятельности – дедукция у них работает не хуже, чем у Шерлока Холмса, и вычислить, к кому именно держит путь ухажер, им раз плюнуть. Николай увидал престарелых контрразведчиц слишком поздно, когда вышел на прямую, и никаких обходных путей к подъезду уже не виднелось.

Выругался про себя. Почему-то ужасно не хотелось, чтобы бабульки трепали имя Марины. Но увы, ничего не оставалось, как можно с более независимым видом прошагать к подъезду под перекрестными взглядами. Бабки, увидев его, мигом заткнулись – в пределах тридцати-сорока метров воцарилось молчание.

Николай мысленно обложил старых хрычовок последними словами, впрочем, совершенно беззлобно. Стало смешно, он еле сдержал смех. И, когда вошел в подъездный полумрак, по ступенькам припустил бегом.

Слегка запыхался. Постоял на площадке, успокоил дыхание. Вынул мобильник, глянул на табло: 19:03. В пределах нормы! Джентльменское опоздание – чтобы дама успела окончательно привести себя в порядок... Николай потрянул головой и решительно нажал на звонок.

Когда молодая хозяйка открыла дверь, он понял, что так и есть. Она была готова до последней реснички, последнего движения пальца, наносящего духи на нежную кожу – так, что ни убавить, ни прибавить ничего. Она его ждала.

И он расплылся в улыбке. Сказал просто:

– Здравствуй, Мариша.

Пауза. Ответ:

– Здравствуй, Коля.

Николай сразу все понял: ЭТО свершится. А если нет – то уж никогда. Он и она – двое в сумасшедшем, полном тревог мире. Гордеев заглянул в ее широко распахнутые глаза, и острое, сладкое чувство пронзило его...

Николай обнаружил себя неспешно прогуливающимся по тенистой улице. Он сразу же узнал ее – улочка из его детства, где по сию пору стоит двухэтажный кирпичный дом сталинской постройки – отчий дом. Здесь он провел все свое детство и юность, рос, мужал. До отъезда родителей в другой город и его ухода в армию этот дом и квартира под номером двенадцать на втором этаже служили ему пристанищем...

Места знакомые до боли.

Гордеев кого-то ждал – была назначена встреча. Уж, не с Мариной ли? Мимо сновали редкие прохожие, да изредка по дороге проезжала машина. Краем глаза он заметил, как из подворотни вышел мужчина и заторопился в противоположную от молодого человека сторону. Николай обернулся, и словно током прожгло – маньяк!..

Это был он, вне всяких сомнений, в своем черном долгополом плаще. Забыв о встрече, Николай устремился за ним.

Следуя за тёмной фигурой в некотором отдалении, он терялся в догадках. Что этот тип делал там, в соседнем с их домом дворе? Неужели еще кого-то умертвил?! Но как же так – ведь он, как известно, до сих пор действовал исключительно в том микрорайоне – где теперь проживал Гордеев. Или расширил свои охотничьи угодья?..

Миновав улочку, они вышли на проспект и оба слились

с толпой прохожих. Маньяк вскоре достиг входа в метро и скрылся в людской толчее. Николай в тревоге заметался, пытаясь отыскать в толпе закутанный в черный плащ силуэт. Подошел поезд, и тут парень увидел его возле дверей вагона. Сломая голову, бросился к нему. Успел запрыгнуть внутрь.

Двери закрылись, поезд дернулся и понесся вперед, набирая ход. Николай рискнул подойти поближе, протискиваясь среди пассажиров. В глаза ему бросилась рука незнакомца, крепко обхватившая поручень. Кисть его была густо забрызгана кровью – ЧУЖОЙ кровью! Что, мать твою, происходит?! Почему никто не обращает внимания на эту кровавую печать, каиновым клеймом изобличающую душегуба?.. Они что – не видят, ослепли все?!..

Через несколько остановок маньяк вышел, поднялся наверх и преспокойно зашагал по улице вдоль унылых коробок однотипных зданий. Гордеев не отставал.

Неожиданно маньяк заскочил в троллейбус – Николай едва успел за ним, задетый закрывающимися дверьми. Долго ехали, и уже ближе к окраине преследуемый сошел, пересек улицу и нырнул в ближайший проулок.

Николай туда же. Очутившись возле серой пятиэтажки, он не успел удивиться – то самое место из его второго сна, как заметил, что маньяк скрылся в подъезде. История повторяется...

Преследователь осторожно поднялся по выщербленным ступеням на четвертый этаж, неслышно приблизился к па-

мятной квартире. Дверь опять приоткрыта. Без раздумий он проник внутрь. Постоял, привыкая к полумраку. В каждую секунду ожидая услышать грохочущий звон колоколов, Николай двинулся в сторону кухни...

Ничего не произошло. Кухня была пуста – он заметил там идеальный порядок. Вернулся в прихожую, на цыпочках подкрался к одной из закрытых дверей в жилые комнаты. Приоткрыл, глянул и... застыл, затаив дыхание. В полутьме помещения – плотные шторы были наглухо задернуты – за столом, перед светящимся экраном монитора сидел маньяк и набирал какой-то текст, щелкая клавишами кейборда.

Николай успел заметить несколько книг, стопкой лежащих на столе, и поспешил отступить назад, боясь выдать свое присутствие. Принялся лихорадочно соображать – что делать: бежать за подмогой, в милицию, или самому напасть на убийцу и попытаться скрутить того? Или выждать и проследить за ним дальше – в надежде, что выведет к очередному труп?

И тут колокола обрушились на него с неистовой силой. Замогильный звон их бил по барабанным перепонкам, вламывался в мозг. Николай в панике попятился, споткнулся и... полетел в пропасть.

Он понял, что это конец – сейчас он разобьется вдребезги...

Неимоверным усилием он извернулся в воздухе и увидел стремительно приближающиеся острые камни, россы-

пью покрывавшие дно ущелья. Он хотел затормозить, остановить свое безудержное падение, полететь как птица, но не смог. Ужас сковал его. Он хотел крикнуть и не смог. И – всё!

Саднили локоть и кисть левой руки, слабая боль скребла и левое бедро.

Николай дико огляделся и увидел, что валяется на полу – ковер слегка смягчил удар от падения с кровати – и на него с испугом уставилась заспанная Марина.

Он расхохотался хриплым, разбойничьим смехом. Господи, он жив!..

– Сумасшедший, – укоризненно пробормотала девушка, – ты так напугал меня...

– Я и сам себя напугал, – признался он, все еще нервно посмеиваясь. – Конечно, не совсем сумасшедший, но...

Тяжело поднявшись, он осмотрел левый бок.

– Сильно ушибся?

– Ерунда. До свадьбы заживет.

– До свадьбы? – она улыбнулась.

– Ну, до похорон...

– Ой, да ну тебя!.. Слушай, так тебе опять что-то приснилось?

– Да нет, – соврал Николай – почему-то не хотелось говорить. – Так, фигня какая-то... Но хорошего мало, это верно.

Он сел на кровать. Марина ласково провела ладошкой по его спине.

– М-м!.. – произнёс он, развернулся и обхватил девушку...

Любовь получилась что надо, со стонами, вскриками и завершающим жадным, всепоглощающим поцелуем. После этого было уж не до сна, хотя можно было бы ещё вздремнуть – и они просто так ласкались, миловались, трепались о пустяках... Ну, а потом привели себя в порядок, позавтракали и разбежались – Марина в поликлинику, Николай к аналитику на очередной сеанс.

Гордеев решил не трогать свою рабочую лошадку, а воспользоваться общественным транспортом. Дождался автобуса, залез с толпой внутрь салона. Пока ехал, сосредоточился на мысли о предстоящей встрече, и благодушное настроение тут же испарилось. По мере приближения к пункту назначения нарастало необъяснимое волнение. Попытался расслабиться и ничего не мог с собой поделать.

Когда выходил на своей остановке, протискиваясь среди пассажиров, задел какую-то расфуфыренную девицу. До его слуха донеслось, как та заявила своей подружке: «Обязательно за жопу надо потрогать».

Гордеев метнул в ее сторону сердитый взгляд. На хрен ты мне сдалась, сучонка дешевая! Не выпячивай свою задницу, да не стой на выходе!..

Раздраженный, он направился в сторону здания, где располагался офис психоаналитика. По пути всё-таки попытался насколько возможно, успокоиться.

Перед апартаментами врача Николай отключил мобильник, вошел, поздоровался с секретарем и проследовал в теменос — священное место, как называл свой кабинет сам Пинский. И как только молодой человек переступил порог и поздоровался с улыбающимся аналитиком, тотчас все страхи и заботы оставили его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.